

Борис Акунин
ТРАГЕДИЯ

Борис Акунин

Борис Акунин

ТРАГЕДИЯ

Москва
«ОЛМА-ПРЕСС»
2002

ББК 84 (2Рос-Рус) 6
А 44

Акунин Б.
А 44 Трагедия. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. — 192 с.
ISBN 5-224-03870-7

Художник
Григорий Златогоров

Б. Акунин
ТРАГЕДИЯ

Художественный редактор М. Ю. Елифанова

Подписано в печать 16.05.02. Формат 70x108^{1/32}.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л.
Тираж 40 000 экз. Изд. № 02-4597. Зак. № 4568.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
129075, Москва, Звездный бульвар, 23.

Отпечатано в полиграфической фирме «Красный пролетарий»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

ISBN 5-224-03870-7

© В. Akunin, 2002
© Издательство
«ОЛМА-ПРЕСС», 2002

ГАМЛЕТ. ВЕРСИЯ
ТРАГЕДИЯ
В ДВУХ АКТАХ

Действующие лица:

Клавдий,
король Дании

Гертруда,
королева

Гамлет,
наследный принц

Полоний,
канцлер

Лэрт,
сын Полония

Офелия,
дочь Полония

Гораций, Розенкранц, Гильденстерн
товарищи Гамлета
по Витенбергскому университету

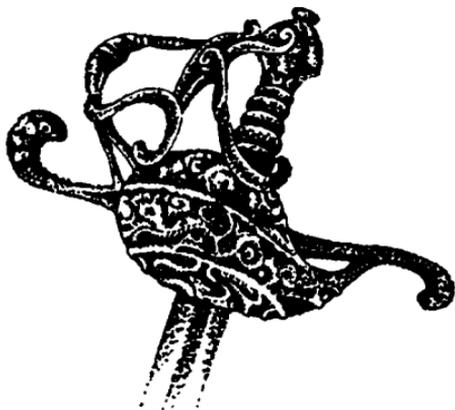
Фортинбрас,
принц норвежский

Норвежский офицер

Лейтенант швейцарцев

Озрик,
придворный

Придворные, слуги, мятежники, могильщики

АКТ ПЕРВЫЙ

Сцена 1

*Парадный зал в королевском замке Эльсинор.
Неподалеку от пустого трона — первые особы
королевства: наследный принц Гамлет, канцлер
Полоний с сыном и дочерью, еще несколько
придворных, все они стоят к зрителям спиной.
Слышен приглушенный гул множества голосов —*

парадный зал велик, мы видим лишь его малую часть. Ожидается выход короля и королевы. Гамлет потихоньку пятится назад, так что оказывается рядом с Офелией.

Гамлет:

Офелия, о нимфа, помяни
Меня в своих молитвах полуношных,
И тут же я предстану пред тобой,
Как некий голубь, явленный Марии.
Немножко покурлыкаю и — прыг!
Пушок и перья девичьи взьерошу.

Исподтишка щиплет ее за ягодицу.

Офелия ойкает. Лазрт оглядывается.

Полоний (сыну):

Стой, не вертись. Держи себя в руках.

Офелия (оглянувшись на зрителей):

Милорд, на нас взирают сотни глаз!
Что скажут наши добрые датчане,
Когда наследный принц при всем народе
Себя так с честной девушкой ведет!

Гамлет:

Быть честной да красивой — перебор.

То вещи несовместные. Довольно
Чего-то одного. А не согласна —
Ступай-ка в монастырь.

Снова хочет ущипнуть ее. Офелия, вскрикнув, отскакивает.

Лаэрт:

Вы видели, отец? Он нас бесчестит!
Пускай он принц, но есть всему предел!

*Бросается на принца, хватая его за грудь и трясет.
Гамлет задыхается от хохота. Гул голосов становится громче.*

Лаэрт:

Сестра моя — не девка из таверны!
Ты за бесчестье мне ответишь жизнью!

Полоний:

Опомнись, дурень, что ты говоришь!
Не слушайте его!

Гамлет (хрипит):

От горла руки!

*Из-за кулис выбегает Гораций, отшвыривает Лаэр-
та в сторону.*

Гораций:

Сударь, вы сошли с ума! Поднимать руку на особу королевской крови? В любой другой стране за это вы поплатились бы головой.

Лазрт:

Как странно ты по-датски говоришь!
Ты чужестранец, это сразу видно.
Нет, это он сошел с ума, все знают!
А род наш подревней, чем королевский!

Полоний (вполголоса):

Ты, видно, заразился от него
И хочешь погубить всё наше дело?

Хватает Лазрта за руку, удерживает рядом с собой. Шум голосов стихает.

Гамлет:

Гораций! Здесь? Да верить ли глазам?
Что привело вас к нам из Витенберга?
В пошлейшую, скучнейшую из стран!

Гораций:

До меня дошла весть о смерти вашего батюшки, вот я и решил проведать веселого принца, по чьим дурачествам соскучились витенбергские пивнушки и бордели.

Гамлет:

Вы, верно, думали, отец мой умер —
Так Гамлет станет королем?

Гораций:

Да, признаться, любопытно было посмотреть,
какой из вас получится монарх. Уверен, что
Дания такого еще не видала.

Гамлет:

И не увидит. Ей не любопытно —
В отличие от вас. Пока я ехал
Сюда из Витенберга, состоялось
Собрание государственных мужей.
И все единодушно порешили,
Что Гамлет непоседлив, неразумен,
Незрел рассудком, склонен к сумасбродствам.
Поэтому для блага государства
Ему корону отдавать нельзя.
На трон взошел мой дядя, тихий Клавдий,
Мне должно быть наследником при нем.
А чтобы власти сохранить преемство,
Обвенчан Клавдий с матушкой моей,
Вдовой вчерашней, нынешней невестой.
Четырнадцать коней загнал посыльный,
Чтоб заручиться в Риме позволением
На сей кровосмесительный союз.
Датчане бережливостью известны.

С поминок угощение не протухло —
Доедено на свадебном пиру.
Вот так, мой друг. Вы думали, наверно,
Что Эльсинор постится и скорбит?
Как бы не так. Мы веселы отменно,
И Гамлет ваш всех прочих веселей.

Заливисто хохочет. На него боязливо оглядываются.

Гораций:

Всё это я уже знаю. Я прибыл в Эльсинор несколько дней назад. Увы, неизвестному студенту попасть к принцу не так-то просто. Если бы королю не вздумалось сегодня обратиться с речью к народу, я бы до вас так и не добрался. А между тем, мне есть, что вам сообщить.

Гамлет:

Вы привезли мне весть из Витенберга?
Толстуха Гретхен, верно, родила?
Кого — байстрючку или байстрючонка?
Мне все равно, я лишь из любопытства...

Гораций:

Нет, милорд, моя весть совсем иного сорта. И родом она отсюда, а не из Витенберга. У вас в Эльсиноре творятся странные дела. Известно ли вам, что ночная стража...

Звук труб.

Торжественно входят король и королева. Приветственные крики толпы. Король и королева садятся.

Гамлет:

Смотрите, вот они, молодожены:
Мой бывший дядя — нынешний отец
И бывшая *татап*, а ныне тётя.
Ау, Гертруда! Здесь я, твой племянник!

Клавдий:

Приветствую вас, славные датчане!
Опорой будьте мне в суровый час,
Когда враги к границам королевства,
Как волки к ослабевшему оленю,
Унюхав запах крови, подступают.
Пока был жив мой брат, великий воин,
Соседи нашей мощи трепетали
И в вечной дружбе, как один, клялись.
Но ведомо вам, добрые датчане,
Что волею небес непостижимой
Во цвете лет мой венценосный брат
Оставил нас, угаснув в одночасье.
И ныне у пределов королевства
Сбирает войско Фортинбрас Норвежский,
Чтоб земли свои прежние вернуть.
Король французский, давний наш соперник,

Осмелился оспорить святость уз,
Которыми благая мать церковь
Меня и королеву сочетала.
А ведь еще с времен ветхозаветных
Вдовицу брата в жены брать себе
Деянием считалось незазорным!
Не чаял я, что повелит судьба
На плечи мне взвалить такую ношу,
Какую разве что великий Гамлет,
Король наш прежний, удержать бы мог.
Но, воле Провидения покорный,
Я не ропщу и выполню свой долг.
А у тебя, народ мой терпеливый,
Прошу лишь одного: пребудь со мной
И поддержи в час тяжких испытаний.

*Приветственный рев толпы. Королевская чета уда-
ляется. Придворные тоже один за другим уходят.
Шум толпы стихает.*

Гамлет:

Ну, как вам показался наш король?
Что-что, а с чернью говорить он мастер.
И величав, и держится степенно.
Чудная штука — королевский сан.
Какого им ни надели плюгавца,
В два счета он и стати наберет,
И мудрости в речах, и благородства.

Глядишь, и я бы в мантии такой
Запел и заплясал бы по-другому.

Гораций:

По-моему, король смотрится неплохо. Но
только где ему до покойного брата. Тот выше
ростом, шире в плечах, да и по всей повадке
сразу видно — вот настоящий король.

Гамлет:

Вы разве видели отца? Когда и где?
Я знаю, что вы странствовали много.
Быть может, в Пруссии, в минувшую войну?

Гораций:

Нет, принц. При жизни я вашего отца ни разу не
видел.

Гамлет:

«При жизни», вы сказали? Но в гробу
Отца вы тоже видеть не могли.
К тому же после смерти ясный лик
Так почернел, что стал неузнаваем...
Он весь разбух от яда злой змеи,
Представьте — еле гроб накрылся крышкой.

Гораций:

Мне, разумеется, рассказывали, как всё про-

изошло. Король дремал в саду, когда его ужалила змея. У вас в королевском парке что же, много змей?

Гамлет:

Не видел ни одной ни до, ни после.
Да и злодейку, что отца сгубила,
Искать искали, только не нашли.
Я так и вижу ясно пред собой:
Как лента черная, вокруг ног она обвилась,
Ужаленный, он вскрикнул и упал,
Змея же уползла в земные недра...

Гораций:

Престранная история. Неспроста он бродит тут по ночам.

Гамлет:

Кто бродит? Вы о чем?

Гораций:

Я давеча начал рассказывать... Только прошу, спокойней, не привлекайте к себе внимания... Минувшей ночью я видел вашего отца.

Гамлет:

Во сне, должно быть?

Гораций:

Я не спал. Знаю это точно, ибо ушипнул себя за руку. Вот синяк, видите? Я говорил вам, что уже несколько дней, как прибыл в Эльсинор. По замку ходят диковинные слухи. До вас, разумеется, они не дошли — обитатели дворцовых покоев вечно узнают всё последними.

Гамлет:

Да что за слухи? О моем отце?

Гораций:

Позавчера стража восточного бастиона — того, что навис над обрывом, — видела рыцаря, как две капли воды похожего на покойного короля. Ровно в полночь он прошел мимо часового, звеня доспехами. На оклик не ответил. Часовой хотел стрелять, но разглядел белый плюмаж на шлеме...

Гамлет:

Да, он всегда в бою иль на турнире
Главу плюмажем белым украшал!

Гораций:

Когда же солдат перекрестился, рыцарь вдруг
взял и растаял в ночи.

Гамлет:

Не верю! Часовой был, верно, пьян!

Гораций:

Но я-то вина не пью, вы знаете. А между тем я видел рыцаря, вот как сейчас вижу вас. Я был там вчера, подменив часового, — тот охотно уступил мне свой пост. Ровно в полночь появился рыцарь с седой бородой, с белым плюмажем на шлеме. Прошел мимо меня. Потом остановился и посмотрел, будто вглядывался в мое лицо. «Гамлет, сын мой, это ты?» — послышался мне тихий, как дуновение ветра, голос... Ведь вы знаете — про призраков говорят, что они плохо видят.

Гамлет (*попятившись*):

Вам... вам я не поверить не могу.

Вы не придумщик и не пустобрех.

Но прежде слыли вы матерьялистом.

Возможно ли, чтоб верили вы в призрак?

Гораций:

Поверьте, принц, на свете есть много не объясненных наукой явлений, о которых наши ученые не имеют ни малейшего понятия. Что же до материализма, то я не могу не верить в то, что видел собственными глазами и слышал

собственными ушами. Итак: седобородый рыцарь с белыми перьями на шлеме бродит по крепостным стенам и спрашивает вас. Я затем и пришел, чтобы вам об этом сообщить.

Гамлет:

Но почему? Зачем меня он ищет?

Гораций:

Существует только один способ получить ответ на этот вопрос.

Сцена 2

Крепостная стена.

Ночь, воет ветер.

*Гамлет один, он кутается в плащ
и озирается по сторонам.*

Гамлет:

Есть многое на свете, что не снилось
Ученым умникам — Гораций так сказал.

Он сам из умников, ему виднее,

Но я-то, я-то здесь зачем?

Когда не явится полнощное виденье,

Я буду чувствовать себя

болваном полным,

А если явится, то Гамлету конец,

Беспечному юнцу и сумасброду.

Нетрудно жить,

когда не видишь смысла

В потоке суток, месяцев и лет,

Тебя влекущем к смертному пределу.

Родился, пожил, умер, позабыт.
И что с того? Был Гамлет — и не стало.
Быть иль не быть, сегодня иль вчера
Быть перестать — ей-богу, всё едино.
Как жизнь скучна, когда боренья нет,
И так грустна, а ты всё ждешь,
Что ты когда-нибудь умрешь.

Бьет полночь. Гамлет вздрагивает.

Плохим студентом был я в Витенберге,
Но всё ж усвоил логики азы.
Коль существуют призраки на свете,
То, значит, существует мир иной,
Куда мы после смерти попадаем.
А если так, то, значит, есть и Бог,
И Дьявол есть, и Рай, и Преисподня.
Какое к черту «быть или не быть»!
Ну, где же ты, возлюбленный
родитель?

Явись, мои сомненья разреши.
А лучше не являйся, так покойней.

Страшный голос:
Я здесь!

Из яркого, слепящего света появляется силуэт рыцаря. Гамлет с криком шарахается.

Призрак:

Я дух бездомный твоего отца,
Осужденный скитаться меж мирами,
Покуда злоба из меня не выйдет,
Вскормленная жестокою обидой.
Тяжелыми цепями эта злоба
Меня к земле постылой

приковала

И не дает душе освобожденной
К небесному блаженству воспарить.
Молю, избавь меня от этой муки,
Подставь плечо, прими

сей тяжкий груз.

Ты молод, ты успеешь до исхода
Пути земного грех свой отмолить!

Гамлет:

Слова твои темны и непонятны.
Что за обида? Ведь не на змею?

Призрак:

Змею, что дух мой ядом

напитала,

Изменой вероломною зовут.
Когда любимые, ближайшие, родные
В доверчиво подставленное сердце
Вонзят отравой смазанный кинжал —
Нет хуже злодеяния на свете.

Гамлет:

Любимые, ближайшие, родные?

Ты говоришь о Клавдии с Гертрудой?

Призрак:

О них, убийце и прелюбодейке.

Я вижу, ты готов, мой храбрый мальчик,

Внимать рассказу.

Слушай, слушай, слушай...

Когда в саду дворцовом я дремал,

Разнеженный изысканным обедом,

Ко мне подкрался дядя твой, мой брат,

И в ухо влил из склянки заповедной

Экстракцию проклятой белены.

В одну минуту гнусная отравка

Наполнила беспомощное тело,

И в корчах отвратительных оно

Растерянную душу прочь исторгло.

И вот теперь душа перед тобой,

Взыскует милосердья — и отмщенья!

Гамлет:

Но я... Но как... Но разве мне под силу..

Я не герой, я пересмешник праздный.

Призрак:

Ты — Гамлет, датский принц и мой наследник.

Судьба уж всё решила за тебя.

Раздается громкий крик петуха. Яркий свет меркнет, силуэт Призрака постепенно тает в темноте.

Голос Призрака:

Прощай, прощай и помни обо мне...

Сцена 3

*Королевские покои. Клавдий и Гертруда
стоят, слившись в поцелуе.*

Гертруда:

Как стыдно это — среди бела дня,
Подобно девочке и мальчику влюбленным...
Не дай Господь, заглянет кто из слуг.
Куда как хороша, в мои-то годы...
На свете есть ли зрелище мерзей
Старухи, раскрасневшейся от страсти?

Клавдий:

Ты не старуха и не будешь ею.

Гертруда:

Не доживу? Ты это мне сулишь?

Клавдий:

Нет, я не то сказал. Конечно, будешь —

Прекраснейшей из всех земных старух,
С которой красотой не сравнятся
Сто тысяч юных дев.

Гертруда:

Быть может, для тебя, но ты слепец.
Ни седины не видишь, ни морщинок.
Я закажу очки для вас, милорд,
Чтоб вы прозрели и затрепетали.

Клавдий:

Морщинку каждую я знаю и люблю.
В них проступают контуры души,
Неразличимые под юной кожей.
Чем старше ты, тем обликом прекрасней.

Гертруда:

Какое счастье после стольких лет
Любви запретной больше не таиться!
Одно лишь мучит и лишает сна —
Воспоминание о нашем преступленьи...
Ужасной платой куплено блаженство.

Клавдий:

Жалеешь ты?

Гертруда:

Не знаю. Да и нет.

Я прежде будто ползала, теперь же
Летаю, не касаясь грубой почвы.
Но вспомню — и мороз бежит по коже.
Так и живу: то плачу, то пою.

Клавдий:

Да, это крест, который нам с тобою,
Вернее, нашей совести нести
До смертного одра и даже дале.
Одно скажу лишь: бóльшая вина
На мне лежит, поскольку я — мужчина.

Гертруда:

Неправда, в преступлениях таких
Мы, женщины, одни лишь виноваты!
Как дети, вы в тенетах нашей страсти,
А значит, и ответственность на нас!

Голос придворного:

Час наступил дневных аудиенций.
Прикажете начать?

*Король и королева отскакивают друг от друга, Гер-
труда поправляет прическу и воротник платья.*

Клавдий:

Да-да, зовите.
Кто первый?

Голос придворного:

Розенкранц и Гильденстерн,
Что вызваны письмом из Витенберга.

На сцену вываливается Гильденстерн, растягивается во весь рост.

Гильденстерн:

Скотина, подлая скотина!
Ну, поквитаюсь я с тобой.

*Встает, отряхивается.
В зал важно входит Розенкранц, церемонно раскладывается.*

Розенкранц:

Простите, сир, и вы, миледи,
Невежу этого. А ты,
Приятель, знай, что государя
«Скотиной» называть нельзя.

Гильденстерн:

Он врет! Не к вам я обратился!
Он ножку мне подставил, гад!

Розенкранц:

Единственно для поученья:
Чтоб впредь, к монарху заходя,

А между тем, вас вызвали сюда
Для важного, нешуточного дела.

Розенкранц:

Ошибка вышла. Не шутя
Мы дел не делаем, увольте.
У нас зануда есть один,
Гораций некий, вот его бы
И звали, коли есть нужда.

Гильденстерн:

Гораций вовсе не зануда,
Я раз завел с ним разговор —
Ей-богу, он отличный малый,
Везде бывал, всё повидал,
Дурак лишь, что вина не пьет.

Розенкранц:

Ну да, ты выпить не дурак,
А он дурак, сие логично.

Клавдий:

Гораций? Уж не тот ли человек,
Что нынче с нашим сыном неразлучен?
С тех пор, как эта дружба началась,
Наш сын, а ваш приятель, юный Гамлет,
Переменился так, что не узнать.
Куда девалась прежняя веселость?

Проделки, выходки, чудачества его
Утратили оттенок остроумья,
Исполнены угрюмости и злобы.
Принц был и прежде дерзок и норовист,
Теперь же он границу перешел,
Что отделяет странность от безумья.
Разительная эта перемена
Безмерно нас печалит и тревожит.

Гертруда:

Затем и вызваны вы оба в Эльсинор,
Чтобы шутя нешуточное дело
Здесь совершить. Всего-то и хотим
Мы с мужем, чтобы Гамлет, вас увидев,
От мрачной нелюдимости отпал
И снова стал смешлив и беззаботен.

Гильденстерн:

Ну, это, право, ерунда.
Уж мы ли Гамлета не знаем?

Розенкранц:

Молчи, балбес, не ерунда,
А государственное дело.
И отнесемся мы к нему
Со всем уместным прилежаньем.
Велите, добрый государь,
Нам перво-наперво в подвалы,

Где вина в бочках, доступ дать.
Затем строжайше воспретите
Чуть что в кутузку нас волочь...

Гильденстерн:

А то у стражи вашей мода
Дворянам воли не давать.
Простор нам нужен для маневра,
Чтоб принца Гамлета спасти.

Клавдий:

Никто не тронет вас, хоть стекла перебейте.
Но вот еще, о чем хочу просить.
Попробуйте непрямо, ненароком
Повыведать, какого естества
Печаль и злость, что гложат принцу душу.

Гертруда:

Любовь, то безответная любовь.
Я женщина и вижу это сразу.

Клавдий:

Когда бы так, беда невелика...
Ступайте, веселитесь до упаду.

Гильденстерн и Розенкранц, кланяясь, пятятся к выходу. Розенкранц снова подставляет приятелю ножку, и тот с воплем грохается за кулисы.

Голос придворного:

Милорд Полоний, канцлер королевства.
С ним дочь Офелия и сын, милорд Лаэрт.

Входят Полоний, Лаэрт и Офелия.

Клавдий (*идя им навстречу*):

Прошу, милорд, всегда мы рады вам.
А видеть вас с детьми вдвойне приятно.

Полоний (*кланяясь*):

Вот дочь моя. Привел, как вы просили.
И сына прихватил. Он у меня
Во Францию собрался, непоседа.
В Париж ему, развеяться, охота.
Ах, государь, такая молодежь
В стране злосчастной нашей подрастает —
Одни забавы на уме у них.
Вот если б вы своей монаршей волей
Вояж беспутный этот запретить
Ему строжайше соблаговолили...

Клавдий:

Да что же тут плохого, не пойму.
Пускай посмотрит свет, себя покажет.
Неужто станет Дания стыдиться
Такого молодца? Езжай, дружок.
Одно прошу: будь там поосторожней

Клавдий:

Иль, может быть, иным каким манером
Давал понять, что красота твоя
Его не оставляет равнодушным?

Полоний:

Величествам их правду говори,
Нельзя соврать, коль спросят государи.

Офелия:

Подарков никаких он не дарил,
А только беспрестанно докучает:
То неприличность скажет, то щипнет.
А сам толстяк, и вовсе некрасивый.

Гертруда (*королю, вполголоса*):

Ты видишь, я права. Вот вся разгадка
Угрюмости его. Мой бедный мальчик!
Быть может, с дурочкою мне потолковать
По-матерински, чтоб была помягче?

Клавдий (*тоже вполголоса*):

Пожалуй, будет лучше, если мы
Вдвоем свершим сей рейд кавалерийский.
Ослушаться наказа короля
Трудней, чем материнского внушенья.

Громко.

Какая прелесть ваша дочь, Полоний.
Так непосредственна, мила, так простодушна.
Моей супруге в голову пришло
Ей подарить какую-нибудь ценность:
Кольцо, соболий плащ иль диадему.
Пойдем, Офелия, ты выберешь сама
В сокровищнице нашей вещь по вкусу.

Полоний:

Благодарю, мой щедрый государь!

Офелия:

По вкусу вещь? Любую-прелюбую?

Король, королева и Офелия уходят.

Лаэрт:

Что нужно им от девочки? Зачем
Они сестренке голову морочат?
Я знаю, это он их упросил,
Проклятый боров! Ну и королевство,
Где в своднях королева и король!

Полоний:

Молчи, дурак. У нас такое дело,
А ты про пустяки. Какая чушь!
От девки, право слово, не убудет.
Лишь бы не прибыло, но Гамлет не шустёр.

Надеюсь, обрюхатить не успеет
До той поры, как воротишься ты.
Не хочешь дядей стать — скачи быстрее.

Лаэрт:

Клянусь, отец, коней жалеть не стану.
Исполню всё, как повелели вы.

Полоний:

Отлично. Подозрений не возникнет,
Ведь я был против твоего отъезда.
«Езжай, дружок» — он сам тебе сказал.
Теперь ему конец, а вместе с ним
Династии, что слишком скверно правит
И Данию влечет в тартарары.
Что за король! Ты слышал, как пред чернью
Он лебезил, достоинство теряя,
И хныкал: «О, прошу, пребудь со мною
И поддержи в час тяжких испытаний!»
Он прав в одном: олень наш датский
Ослаб, растратил силу, охромел.
Сначала был гадюкою ужален,
Потом обвенчан воровским манером,
А олененок на головку слаб.
Наш род на век древней, чем королевский,
Кровосмесительством, безумьем не запятнан.
Полоний Первый — плохо ли звучит?
Лаэрт, принц датский — музыка для слуха.

Как только из Парижа привезешь
Ты Генриха прямое обещанье
Нас от норвежских козней защитить,
Тут и ударим. План уже составлен.
Когда я бью, то бью наверняка.

Сцена 4

Галерея в замке.

*Гамлет и Гораций
упражняются в фехтовании.*

Гораций:

А вот терцию вы усвоили неважно. Сначала парировать, потом — хоп! Батман! И ваш противник — как поросенок на вертеле. Э, принц, да вы совсем выбились из сил. Признайтесь: снова не делали упражнение, которое я вам задал?

Гамлет:

Пятнадцать раз по лестнице дворцовой
Взбежать, а после на коня — и вскачь?
Я пробовал, но шестьдесят ступеней!
Пятнадцать раз! Уж это чересчур.
От упражнений этаких печенка
Из горла лезет, а из кожи жир.

Гораций:

Пускай жир вылезает наружу, воину он помеха. От него замедляются движения и медленней бьется сердце. А вам, если вы всерьез взялись за такое дело, понадобятся стремительность и сила. Какова цель — помыслить страшно!

Гамлет:

Да, цель... О ней я думаю всё время,
И руки опускаются, когда
Приходит в голову мне мысль: а если Дьявол,
Враг человеков, Духа подослал?
Ведь учат нас попы, что мир полнощный
Подвластен Сатане и привиденья
Все как одно порождены Лукавым.
А ну как тот, что мне отцом назвался,
На самом деле бес и хочет только
Меня на зло кровавое подбить?
Хорош я буду, если не виновен
Мой дядя Клавдий в гибели отца!

Гораций:

С каких это пор вы стали слушать попов? Что они знают, что понимают? Про привидения достоверно известно лишь одно — что про них ничего не известно. Они посланцы из мира, куда живым доступа нет. Однако, если вы по-

думываете отступить от своего намерения, я буду только рад. Со стороны призрака не слишком честно взваливать на ваши хрупкие плечи этокое бремя.

Гамлет:

При чем здесь плечи? Дело не в плечах.
Я был бы крепче стали, если б только
Я знал наверняка, что дух не лжет.

Гораций:

Наверняка? То есть, вы хотите неопровержимого доказательства? Но какое может быть доказательство? Ведь дух в суде свидетельствовать не может. Да и кто поверит химере?

Гамлет:

Вот если Клавдий сам бы подтвердил
Свою виновность и во всём признался...

Гораций:

Вы шутите, ваше высочество? Вы хотите, чтобы убийца сам признался в преступлении?

Гамлет:

Да, это положило бы конец
Моим сомненьям, придало б мне силы.

Гораций:

Хм, а знаете что, мой храбрый принц, вы только что подали мне превосходную идею! Ну конечно, пусть ваш дядя сам решит свою судьбу! Или выдаст себя, или оправдается.

Гамлет:

Что за идея? Как вы оживились!
Скажите же, скажите поскорей!

Гораций:

Спектакль. Мы разыграем спектакль. В присутствии королевской четы и двора. Известна ли вам история Луиджи Гонзаго, который отравил герцога Урбинского точно таким же подлым образом, как Клавдий вашего отца?

Гамлет:

Что, тоже в ухо влил ему отраву?
А после в жены взял его вдову?

Гораций:

Не совсем, но мы слегка подправим сюжет, чтобы детали в точности совпали с рассказом призрака. Если Клавдий виновен, он непременно себя выдаст — возгласом, жестом, гримасой. А если сохранит невозмутимость, значит привидение действительно подослано Дьяволом.

Гамлет:

А коли мы останемся в сомненьи,
Как жест или гримасу разьяснить?

Гораций:

Согласно человеколюбивым установлениям закона, всякое сомнение толкуется в пользу обвиняемого, и вы должны поклясться, что, если король не выдаст себя самым явным и определенным образом, вы откажетесь от мести.

Гамлет:

Вы правы! Так и надо поступить!
Спектакль! Замечательно, Гораций!
Изящно, остроумно, искрометно!
Точь-в-точь как я люблю! Сценарий сам
Придумаю. Где только взять актеров?

*На сцену выходят Розенкранц и Гильденстерн,
кланяясь с преувеличенной почтительностью.*

Гораций (вполголоса):

Глядите, ваши витенбергские собутыльники.
Вспору открывать в Эльсиноре филиал университета.

Гильденстерн:

Милейший принц!

Розенкранц:

Хмельнейший принц!
И вы, Гораций многомудрый,
Привет братьям по ученью,
Нет, по мученью — так верней.

Гамлет:

Ха, Розенкранц и Гильденстерн! Ребята!
Какого черта вас-то принесло
В столицу мерзости, уныния и скуки!
Неужто добровольно вы в тюрьму
Решили со свободы воротиться?

Гильденстерн:

Не то, чтоб вовсе добровольно.
Нас кое-кто сюда позвал.

Розенкранц:

И кое-что в награду дал.
Глядите-ка: вот этот ключик
Откроет райские врата
В дворцовый погреб, где томятся
Красотки-бочки. Невтерпеж
Им с нами слиться в поцелуе.
Идемте, принц! Поговорим
О том, о сем, повеселимся.
А то вас прямо не узнать —
Как будто кислых слив наелись.

Гамлет:

Я в самом деле тут закис,
И, право, есть на то причины.
Но видеть вас сердечно рад
И выпью с добрыми друзьями.

Гильденстерн:

Ну вот, теперь заговорил,
Как прежний Гамлет, кратким ямбом.
Идемте, сэра.

Напьемся в дым!

А вы, Гораций, тоже с нами?

Гораций:

Значит, тот, кто вызвал вас из Витенберга, выдал вам ключ от королевского погреба? Щедрый господин. И влиятельный. За что же он вас так вдруг полюбил? Ладно, не хотите — не отвечайте. Я вот что думаю, милорд. Чем бражничать и болтать о всякой всячине с этими веселыми господами, не лучше ли привлечь их к участию в нашей затее? Вы спрашивали, где взять актеров? Вот они, все в сборе. Пьеса, считайте, готова. Я сыграю жертву, Гильденстерн — убийцу, вон какая у него багровая, свирепая физиономия, а subtilный Розенкранц в самый раз подойдет на роль коварной супруги.

Розенкранц:

Сыграть спектакль? Какой спектакль?
Смешной? И с переодеванием?
Вот это здорово! Ура!
А что за пьеса? Видно, фарс?

Гамлет:

И препохабный, сам увидишь.
А впрочем, незачем тебе
Интригу знать. Играй, что скажут.
Потешим, братцы, короля.

Сцена 5

*Зал во дворце. Сбоку установлена декорация
для спектакля: куст, скамейка.*

*На местах для зрителей Клавдий, Гертруда,
Гамлет, Полоний, Офелия, придворные.*

*На скамейке, накрывшись плащом,
лежит Гораций.*

*Он с приклеенной бородой,
рядом шлем с белым плюмажем.*

Гертруда:

Мой милый сын, скажи, когда ж начало?

Гамлет:

Через минуту, попрошу терпенья.

И тише, тише. Видите, он спит.

Коль пробудится — замыслу конец.

Клавдий:

Какому замыслу?

Гамлет:

Злодейскому, конечно.

*Поднимается со стула, садится на пол рядом с
Офелией.*

Могу ли я на бедра к вам прилечь?

Офелия:

О нет, милорд!

Гамлет:

Одной лишь головою.

Офелия:

Ах, головою. Хорошо, милорд.

Гамлет:

А вы уж рады думать о похабстве.

Офелия:

Я ничего не думала, милорд.

Гамлет (*кладя голову ей на колени и ерзая по ним
затылком*): Как славно у девицы между ног...

Офелия:

Что именно, милорд?

Гамлет:

А ничего.

У них там пустота. Иль вы не знали?

Офелия:

Вы шутите, милорд.

Гамлет:

Да, я шутник.

У нас вообще веселая семейка.

Смотрите, матушка смеется — ей супруг,
Должно быть, тоже нашептал похабство.

Громко хлопает в ладоши.

Внимание, смотрите, началось!

Из-за кулис, делая страшные гримасы, выходит Гильденстерн, наряженный примерно так же, как Клавдий.

Клавдий:

Какой пренеприятный господин.

Чего он хочет? Почему крадется?

Гамлет:

Он хочет герцога Урбино известить
Хитрейшим способом, доселе небывалым.

Гильденстерн достает склянку с ядом, нюхает, морщится. Из склянки на пол проливается несколько капель, поднимается облачко дыма.

Гертруда:

А, это яд. Я верно угадала?

Гамлет:

Не знаю, матушка, не знаю. Вам видней.

Ну, в смысле, с кресла вашего. Глядите!

А вон супруга герцога, она

Сейчас спасет несчастного от смерти.

Выходит Розенкранц в женском платье, с короной на голове. Гильденстерн оглядывается на Розенкранца, прикладывает палец к губам. Потом нагибается над спящим, поднимает склянку.

Гамлет:

Ах, негодяйка! Что ж она молчит!

Неужто даст свершиться злему делу?

Приподнимается, смотрит на Клавдия. Гильденстерн, кривляясь, делает вид, что льет спящему в ухо яд. Гораций с криком падает со скамейки, изображает судороги. Розенкранц же бросается Гильденстерну на шею и начинает его звонко целовать.

Клавдий:

Яд в ухо? В самом деле необычно.
О способе таком я не слышал.
Что, Гамлет, ты так смотришь на меня?
Сказать мне хочешь что-то? Говори же.

Гамлет в растерянности оглядывается на Горацию.

Гораций:

Прощай, жена! И ты, мой брат, прощай!
Проклятье вам навек, прелюбодеи!

Клавдий приподнимается в кресле, он явно потрясен.

Гертруда:

Так пьеса со словами? Я решила,
Что пантомима это...

Замечает состояние Клавдия.

Что с тобой?!
Что с вами, государь, вы нездоровы?

Клавдий:

Жена и брат... Отрава... Сон в саду..
Темно в глазах... Не вижу.. Дайте света!

*Переполох, все суетятся около короля. Гамлет под-
бегает к Горацию.*

Гамлет:

Вы видели? Вы слышали? Он сам
Признался в совершенном преступлень!
Сомнений нет! Мой призрак не солгал!
Есть мир иной! Есть Бог! И есть отмщенье!

Сцена 6

*Внутренние покои дворца.
Король, королева, Полоний.*

Клавдий (*вполголоса, Гертруде*):

Сомнений нет. Он метил в нас с тобой.
Ему известно что-то. Но откуда?
Офелия, как видишь, ни при чем.
Иного свойства Гамлетова злоба...
Проверим, так ли это очевидно
Для глаз не посвященного в наш грех.

Громко.

Что скажете, Полоний, вы о пьесе,
Которую поставил нынче принц?

Полоний (*приблизившись*):

Да что сказать. Скандал и поношенье.
При всем дворе, при слугах ваш наследник

Короне оскорбление нанес.
Намек прозрачен: вы — прелюбодеи
И чуть ли не убили короля.

Клавдий:

Что делать нам? Карать его нельзя,
Даст это лишь толчок досужим слухам.
Но выходку такую без ответа
Оставить нам тем более нельзя.

Гертруда:

Он так любил отца.

Поспешность свадьбы

Расстроила его. Он не в себе.

Не будьте слишком строги, государь,

К бедняжке. Он и так на всех обижен.

Полоний:

Обида — преопаснейшая вещь,

Способна привести она к измене.

Клавдий:

К измене? Что хотите вы сказать?

Полоний:

А то, что государственной изменой

Является попытка нанести

Урон престижу трона. И к тому же

Тут заговор как будто налицо.
Принц не один устроил эту пакость:
Сообщники ведь были у него.
Я их велел позвать.
Они за дверью.
Актеров этих нужно допросить.

Клавдий:

Иль расспросить хотя бы для начала.
Вы правы. Приведите их сюда.
Быть может, Гамлет менее виновен,
Чем эти собутыльники его.

*Полоний выходит и возвращается в сопровождении
Горация, Розенкранца и Гильденстерна.*

Клавдий:

Скрывать не стану, очень опечален
Спектаклем я, который, господа,
Вы перед нами нынче разыграли.
Скажите, кто создатель этой пьесы?

Гильденстерн:

Не я.

Розенкранц:

Не я. Мы лишь актеры.
А пьесу Гамлет сочинил!

Гораций:

Не сочинил, это подлинный случай. Ходят слухи, что урбинского герцога Франческо отравил таким странным способом некий Луджи Гонзаго, который, впрочем, потом сумел отпереться. Принцу показалось, что эта диковинная история позабавит ваши величества.

Клавдий:

Ах вот как. Значит, все-таки он сам...
Но кто ему.. Неважно. Нет, пустое.

Гораций:

Ваше величество? Прошу извинить, я не понял. «Но кто ему» что?

Клавдий:

Не важно, я сказал. Я не о том
Спросить хотел. Вы лучше расскажите
Мне о себе. Вы принцу близкий друг,
А между тем я ничего не знаю
Про вас. Откуда родом вы?
Какого званья? Кстати, и прозванья.
«Гораций» — это подлинное имя
Иль избранное ради благозвучья?

Гораций:

Подлинное, милорд. Мой покойный отец был

ценитель античности. Старшего брата он называл Овидием, среднего Петронием, а я вот Гораций. Родом я из Швабии, званием дворянин, прозванием — фон Дорн. Род небогатый, но почтенный.

Клавдий:

Фон Дорны? Про таких я не слыхал.
Вы младший сын, а значит,
не наследник.
Чем хлеб вы добываете?

Гораций:

Ничем. Я привык довольствоваться малым. Род занятий у меня необычный — я исследую человеческую природу, а стало быть, мне приходится много странствовать. Вчера был в Витенберге, сегодня в Дании, завтра, глядишь, окажусь в Польше.

Клавдий:

Вы будьте только там поосторожней.
Поляки не датчане, и у них
За дерзость вроде той, что учинили
Вы трое, можно на кол угодить.

Гильденстери:

Какую дерзость, Боже правый?

Розенкранц:

Хотели мы лишь одного:
Чтоб веселился принц беспечно!
Затем и ставился спектакль!

Гораций:

Я, ваше величество, признаться, тоже не понимаю причины вашего неудовольствия. Пьеса, конечно, преглупая, но что же в ней дерзкого?

Клавдий:

Изображая царственных особ
С таким кривляньем и смешным жеманством,
Вы поневоле нанесли ущерб
Авторитету королевской власти.
Но вижу я, что умысла у вас
Дурного не было. А потому ступайте.
На вас троих я больше не сержусь.

*Розенкранц, Гильденстерн и Гораций, поклонившись,
выходят.*

Полоний:

Вы истинную мудрость проявили,
Так ловко это дело повернув,
Что поведение ваше на спектакле
Теперь легко мы сможем объяснить
Тревогой за престиж монаршей власти

И гневом на развязность наглецов,
Глумившихся над саном венценосным.
Я в восхищенье, добрый государь.

Клавдий:

Да-да, но здесь не в том проблема.
Приличья мы, конечно, соблюдаем...
Ах, Гамлет! Что за злое направление
Его рассудок раненый избрал!
Тут вздорность вижу я дурного свойства.
Что он скрывает? Как это узнать?

Гертруда:

Поговорю я с ним, как матери пристало.
Терпение и ласка — вот рецепт,
Которым лечат горечь и обиду.
На откровенность вызову его.

Клавдий:

Боюсь я оставлять вас с глазу на глаз.
Он явно не в себе, исполнен злобы
И, может быть, имеет склонность к буйству.
Поставить бы поблизости охрану,
Чтоб быстро подоспеть она могла...
Нет, ни к чему свидетели раздора
В семействе венценосном. Лучше я
Тут спрячусь сам и буду наготове
Тебе на помощь, милая, прийти.

Полоний (обернувшись):

Милорд, постойте, слышите вы скрип?

*Идет к кулисе, куда удалились Гильденстерн,
Розенкранц и Горащий.*

Актеры наши плохо дверь прикрыли.
Вот так. Нам не хватало лишь ушей
Нескромных.

В сторону.

Ай да поворотец!
Нельзя возможность эту упускать.
Тут интересная открылась перспектива:
Подобное подобным истребить.
Послушаю, что скажет ей мальчишка.
Вот если бы семейка эта враз
Сама себя пожрала с потрохами...

Клавдий:

Вы говорите что-то? Я не слышу.

Полоний:

Привычка стариковская. Под нос
Я бормочу, чтоб думалось яснее.
И вот что я скажу вам, государь.
Невместно королевскому величью

Таиться и подслушивать. Зачем?
Когда Полоний есть, слуга ваш верный.
Я встану вон за этим гобеленом
И если что — буяна усмирю.

Клавдий:

Быть по сему. Велю позвать его.
Молю вас, берегите королеву.

АКТ ВТОРОЙ

Сцена 1

*Та же комната. Королева и Гамлет.
Он входит, беспокойно озирается по сторонам.*

Гертруда:

Столь много перемен в моей судьбе
За эти месяцы последние свершилось.

Всё не хватало времени с тобой
Поговорить душевно и неспешно.
Замкнулся ты в себе и отдалился,
И в этом виновата я одна.

Гамлет:

Лишь в этом? Что давно мы не болтали?
Прошу охотно этакий пустяк.

Гертруда:

Как беспокоен ты. Присядь.
Ты что-то ищешь?

Гамлет:

Не что-то, а кого-то. Во дворце
Повсюду крысы нынче расплодились.
Мне говорили, будто бы король
Крысиный правит этой серой ратью.
Его убить, поверие гласит,
И крысы сами прочь сбегут из дома.

Гертруда:

Ты бредишь, Гамлет. Воспален твой взгляд,
Движенья резки, речи непонятны.
Здесь нету крыс, здесь даже нет мышей.
Следят за этим строго наши слуги.
Скажи мне, что расстроило твой ум.
Чем вызвано твое ожесточенье?

Должно быть, тем, что Клавдий, а не ты
На датский трон посажен был Советом.
Но потерпи, твой час еще придет.
Мы с Клавдием немолоды, не будет
Других детей у нас.

Взойдешь ты на престол
Со временем, когда остепенишься.

Гамлет (*останавливаясь перед ней*):

Сударыня, на что мне ваш престол?
Смердит он кровью, похотью и грязью!
Да после таких властителей, как вы,
К нему противно палкой
прикоснуться!

Гертруда:

Как смеешь ты так с матерью своей...

Гамлет:

Молчите, вы, змея, мужеубийца!
У Гамлета нет матери теперь!
Но был отец, он тоже звался Гамлет.
Считайте, что из гроба он восстал!

Гертруда:

Он знает всё! О Боже, что сказать?
Как объяснить...
Нет слов таких на свете...

Я знала, что не может долгим быть
Ценою страшной купленное счастье!

Гамлет:

А, признаётесь вы!

Так вот вам приговор:

Убив отца, примите смерть от сына!

Обнажает шпагу. За гобеленом сдавленный крик.

Гамлет (обернувшись):

Ага, так крысы все же тут как тут!

Держу пари, то сам король крысиный!

Пронзает шпагой гобелен.

На пол падает Полоний.

Полоний:

Убит... Убит... Всё тлен и суета.

Король Полоний Первый... Боже, Боже!

Умирает.

Гамлет:

Полоний? Почему? Ведь он сказал,

Что будет Клавдий сам у королевы!

Я, кажется, и впрямь схожу с ума!

Гораций, где Гораций? Всё пропало!

*Роняет шпагу, закрывает руками лицо,
плечи сотрясаются от рыданий.*

Гертруда:

Что натворил ты? Ты его убил!
Ах, бедный мой, ты в самом деле болен!

Обнимает Гамлета.

Подумать только, бред я приняла
За чистую монету. Как ужасно:
Полоний мертв, мой сын сошел с ума,
А на душе одно лишь облегченье.
Несчастный мой, я мужа упрошу,
Чтоб не судил тебя он за убийство,
А объявил безумным и послал
В края заморские на излеченье.
Он, правда, раздосадован тобой,
Теперь и вовсе гневом распалится,
Но верю я: любовь ко мне сильнее,
И сделает он всё, о чем прошу я.

Сцена 2

Галерея в замке.

Гораций и Гильденстерн.

Гораций:

Куда это вы спешите, приятель, такой важный и довольный, словно выиграли в кости тысячу золотых? И совершенно трезвы! Просто не верю своим глазам.

Гильденстерн:

У короля я был, Гораций.
Меня отметил он. Сказал:
«Из всех друзей бедняги принца
Я больше доверяю вам».
Сказал: Гораций слишком мрачен,
Чрезмерно дерзок Розенкранц,
А я отлично совмещаю
Веселость
и спокойный нрав.

Гораций:

Иными словами, он обозвал вас посредственностью.

Гильденстерн:

Нет, золотою серединой.
И вот свидетельство тому.

Звонит мощной с золотом.

Не в кости выиграл я злато,
А им за службу награжден.

Гораций:

Какую же службу вы сослужили королю?

Гильденстерн:

Тут государственное дело.
Но вам я, так и быть, скажу.

Понизив голос.

Про то, что принц наш вовсе сбрендил
И шпагой канцлера проткнул,
Уже вы знаете, конечно.
Так вот, мне велено его —
То есть не канцлера, а принца —
Скорей отсюда увезти.

Гораций:

Увезти? Куда?

Гильденстерн:

За море, в Англию. Пускай

Его полечат англичане

От завихренья головы.

Король сказал,

отличный способ

Леченья ведают они.

А мне доверено доставить

Больного в Лондон и притом.

Вручить английской королеве

Монарха нашего письмо.

С важным видом показывает пакет.

На то и выданы мне деньги.

И будут выданы еще.

Но вы не думайте, дружище,

Что Гильденстерн,

попав в фавор,

Друзей забыл, что он зазнался.

Завел я тотчас разговор,

Чтоб дали в Англию с собою

Мне Розенкранца прихватить

И вас, как Гамлетова друга.

Всё принцу будет веселей.

Гораций:

И что на это сказал его величество?

Гильденстерн:

На Розенкранца согласился.
На вас — увы. Он говорит,
Что вы влияете на принца
Не лучшим образом.

Гораций:

Он прав. В такой развеселой компании я был бы лишним. А всему виной то, что я не умею пить. От скучных людей вроде меня любому застолью гибель. Вы не представляете, приятель, как много мне вредит в жизни эта дурацкая фобия. Ах, если б нашелся добрый товарищ, который научил бы меня получать удовольствие от хмеля!

Гильденстерн:

Чего же проще! В той науке
Достиг я высших степеней.
И преподам урок охотно,
Вот лишь из Англии вернусь.

Гораций:

Бог знает, сколько вы там пробудете. Быть может, первое занятие можно провести прямо

сейчас? Ведь вы, должно быть, отплываете не сию минуту?

Гильденстерн:

Сегодня вечером. Нельзя нам
Здесь оставаться. Уж и так
Гудит весь город, потрясенный
Убийством старого осла.
Но полчаса для вас, дружище,
Я, так и быть, найти могу.

Обнявшись, уходят.

Сцена 3

Берег моря.

Слышны крики чаек. Гамлет и Гораций.

Гораций:

...Когда он захмелел, я вынул письмо, осторожно вскрыл печати и прочел. Знаете, о чем ваш дядя просит английскую королеву?

Гамлет:

О пакости какой-нибудь. Меня
Чтоб в Тауэр, к примеру, заточили.
Иль поместили в сумасшедший дом
И там водой холодной поливали.

Гораций:

Вы недооцениваете короля. Он нашел более радикальное средство для излечения вашей головы. Ссылаясь на услуги, оказанные Данией английской короне, Клавдий просит немедлен-

но ампутировать вам заболевший орган. (*Показывает на голову Гамлета.*) Пишет, что на родине сделать этого нельзя — в стране и так беспокойно.

Гамлет:

Ах, славный Клавдий! Мать влиянье чар
Своих на мужа переоценила.
Выходит, судно, ждущее меня,
Плывет отсюда прямо к эшафоту?
Прощайте, друг. Проклятый призрак прав:
Судьба уж всё решила за меня.

Гораций:

Вы обижаете меня, милорд. Неужели вы думаете, что, прочитав послание, я преспокойно положил его обратно? Разумеется, нет. У меня всегда при себе перо и чернильница. Вместо прежнего письма эти иуды повезут в Англию новое, в котором король просит их самих предать казни, а вас содержать с почетом, как подobaет принцу.

Гамлет:

Гораций! Вы спасаете меня
От верной гибели! Как мне благодарить вас?
Не смерти даже утратился я,
А встречи с призраком, с отцом, который скажет:

«Никчемный сын, беспомощный болтун,
Не отомстил и сам пропал без толку».

Издали доносится ржание лошадей, лязг железа, грохот повозок.

Гораций:

Я останусь в Эльсиноре вашей тенью. Я буду вам писать. Как только можно будет вернуться — дам знать. Вы не беспомощный болтун, вы сдержите слово.

Гамлет:

Спасибо, друг. Уж вы поберегите
Мне Клавдия, чтоб волос с головы
Его проклятой не упал, покуда
За нею сам с мечом я не явлюсь.

Оглядывается.

Что там за шум? Смотрите, чье-то войско
В походном марше берегом идет.

Слышен приближающийся стук копыт.

Гораций:

Давайте остановим этого офицера и спросим.
(*Кричит.*) Эй, сударь! Прошу вас, спешитесь.

Наследник датского престола желает говорить с вами.

Выходит офицер. Кланяется Гамлету.

Гамлет:

Какое это войско?

Офицер:

Фортинбраса,
Норвежского кронпринца.

Гамлет:

А куда
Идет оно чрез наше королевство?

Офицер:

На Польшу. Есть об этом договор
С короной датской.

Гамлет (Горацию):

Ай да Фортинбрас.
Завидую его я непосредству.
Ему едино, с кем повоевать,
Лишь только б воевать. Какая Польша?
На что она ему? Блаженна будь
Безмозглая решительность — герои
Из этой глины лепятся Судьбой.

Доносится звон колокола.

Пора прощаться. Слышите: трезвонят.
То корабельный колокол. Пойду
К своим друзьям. Ну будет им потеха,
Как жертва обернется палачом.

Обнимает Горация.

Смотрите ж, берегите короля мне.

Оглянувшись на офицера, прибавляет шепотом.

Он мой и только мой. Прощайте, друг.

Уходит.

Сцена 4

*Королевские покои.
Клавдий и Гертруда.*

Клавдий:

Когда бы мог я выбрать добровольно:
Тебя и трон иль только лишь тебя,
Второе б выбрал я и был бы счастлив.
Как тяжела монаршая корона!
Мой бедный брат был истинный король,
А я — я венценосец поневоле.
В сколь трудные живем мы времена!
Норвежец чертов что-то не спешит
Покинуть с войском датские владенья.
Как коршун, над границей он кружит
И ждет, не поживится ль здесь добычей.
В народе беспокойно. Всё бурлит
Из-за Полония и этой ссылки принца.
Доносят мне, что прискакал Лаэрт
Из Франции и сеет возмущенье...

Гертруда:

Я знаю, милый, как ты рисковал,
Спасая сына. О, тем горячее
Признательность моя! Твоя любовь
Явилась мне во всем своем величье.

Клавдий:

Да спас ли я его — вот в чем вопрос.
Непредсказуем нрав Елизаветы.
Коль рассудит, что выгоднее ей
С Французом иль Норвежцем стовориться,
Наследник наш лишится головы.

Гертруда:

А всё же здесь не мог он оставаться.

Входит Офелия. Она с распущенными волосами, в одной нижней рубашке, волочит за собой метлу.

Клавдий:

Что это за явление? И как
Ее пустила стража? В этом виде!

Офелия начинает старательно мести пол.

Гертруда:

Рассказывали мне, что смерть отца
Бедняжку ввергла в умопомраченье,

Но это настоящее безумье.
Какая жалость! Бедное дитя!

Подходит к Офелии.

Голубушка, что делаете вы
В таком наряде и с метлой в придачу?

Офелия:

Не видно разве, выметаю сор.
А платье снято, чтобы не запачкать.
Когда убили моего отца
(Его железкою, как курицу, проткнули),
Я вдруг прозрела. Увидала я,
Какая грязь кругом, какая гадость!
Тут сор, там мусор, клочья паутины,
И пыль, и плесень, всякое гнилье.
А главное, никто не обращает
Внимания! Как будто так и надо!

Хватает королеву за подол платья.

Мадам! Снимите это поскорей!
Как можете носить вы эту мерзость?
Я постираю, дайте!

Гертруда:

Я сама.

Домой ступайте. Вам там будет лучше.

Доносится грохот, шум голосов. Король и королева оборачиваются. Вбегает Гораций.

Гораций:

Ваше величество, беда! Лаэрт поднял мятеж! Заговорщики уже во дворце, ваша стража разбежалась! Я послал пажа в казарму за швейцарцами, но они вряд ли успеют! Нужно бежать!

Шум стремительно приближается.

Клавдий:

Нет, поздно. Не пристало королю
Как зайцу, бегать. Прочь иди, Гертруда!

Из-за кулисы выбегает Лаэрт со шпагой в руке, за ним вооруженные люди. Гертруда цепляется мужу в локоть.

Лаэрт:

Ах, вот ты где, убийца и злодей!
Будь проклят, отправляйся в чрево ада!

*Офелия пронзительно кричит.
Гораций преграждает Лаэрту дорогу.*

Гораций:

Что вы делаете? Вы хотите, чтоб ваша несчастная сестра умерла от ужаса? Немедленно спрячьте шпагу — девочка знает, что таким же оружием убили ее отца!

Лазрт (бросаясь к сестре):

Ты здесь? Сбежала? Не устерегли?
Вернись домой! Эй, кто-нибудь! Возьмите
Ее отсюда!

Офелия (кричит):

Руки убери!
Меня не трогай грязными руками!

*Лазрт убирает шпагу в ножны, машет сообщникам,
чтобы вышли.*

Лазрт:

Ну что ты, что ты. Это я, Лазрт,
Твой брат. Не бойся, милая, не бойся!

Гораций (королю, вполголоса):

Говорите что-нибудь, тяните время. С минуты
на минуту подспеют швейцарцы.

Клавдий:

Ох, сердце разрывается! Лазрт,

В вас тоже затуманился рассудок
От горя неизбывного. Увы,
Безумье бродит в нашем королевстве,
Подобно эпидемии чумы,
Кидаясь от больного на здоровых.

Лазрт:

Да, правда! И заразы той разносчик —
Семейство ваше подлое. Сейчас
Сестру отправлю я, и мы закончим.
Суд чести будет скор, но справедлив.

Хочет повести сестру к выходу, но она вырывается.

Офелия:

Отстань! Уйди, дурак! Не видишь разве,
Мести я не закончила здесь пол!

Снова машет метлой, Лазрт пытается ее остановить.

Клавдий:

Я обещаю выслушать с участием
Все ваши жалобы и удовлетворить
Ваш справедливый иск, но успокойтесь
И помните: пред вами ваш король.

Лазрт:

Король? Давно ли? Без году неделя,

И та закончилась, клянусь моим отцом!

Из-за кулисы с противоположной стороны выходит командир швейцарцев.

Командир:

Мы прибыли на помощь, государь,
Четвертый взвод швейцарских мушкетеров.
Второй и третий будут сей же час,
И первый тоже поднят по тревоге.

Клавдий (Лаэрту):

Я вашей соболезную утрате,
Но есть пределы дерзости, и вы
Их превзошли сегодня многократно.
Смените тон, иначе я велю
Моим швейцарцам применить оружие.

Лаэрт:

Попробуйте! Посмотрим, кто кого!

Кричит, обернувшись к кулисам.

Эй, молодцы, готовьтесь, будет схватка!

*Раздается ответный рев множества голосов.
Тем временем Гораций подходит к Офелии, участливо обнимает ее за плечи, шепчет что-то на ухо.*

Офелия (*садясь верхом на метлу*):

Спасибо, сэ, спасибо за совет.

Мне следовало раньше догадаться.

Так надоели эти крикуны,

Поеду к бабушке,

проведаю бедняжку.

Пешком туда, конечно, не дойдешь,

А на метле слетать — простого проще.

Лаэрт смотрит на нее, сотрясаясь от рыданий.

Гертруда:

Взгляни, мой друг, какой он бунтовщик?

Он просто одинокий, бедный мальчик.

Он думает, весь мир против него,

А ты еще грозишь ему оружием.

Клавдий:

Лаэрт, мы обо всем поговорим,

Когда в вас поугаснет исступленье.

Я зла на вас, поверьте, не держу

И ваш мятеж оставлю без последствий.

В раздоре этом Гамлет виноват,

А он за морем. Вряд ли он вернется.

Лаэрт:

Пусть лишь попробует он! Тотчас же его

Я вызову на смертный поединок!

Клавдий:

Вот это дворянина разговор,
А не мятежника преступного. Согласен.

Офелия:

Коняшка, гоп! Пора нам улетать!
Прощайте, господа, спокойной ночи.

Скачет на метле прочь. Лэрт выбегает за ней.

Клавдий:

Идите, лейтенант. Даю отбой.
Расставьте лишь повсюду караулы.

Швейцарец уходит.

Спасло нас милосердно Провиденье.
А я уж думал: Клавдию конец.

Гертруда, всхлипывая, бросается ему в объятия.

Гораций, сударь, я хочу сказать,
Что лишь теперь понятно мне пристрастье
Племянника к товарищу такому.
Отныне я вам друг. А я умею
За верность и труды быть благодарным.

Сцена 5

Кладбище.

*У могилы стоят Клавдий, Гертруда,
Лаэрт, Гораций, придворные.*

*У кулисы — бродяга,
закутанный в рваный плащ с капюшоном.
Гораций оборачивается раз, потом другой,
вглядывается в бродягу, подходит к нему.
Бродяга на миг приподнимает капюшон.
Это Гамлет.*

Гораций:

Принц, вы?! Здесь? А я думал, вы уже достигли берегов Англии!

Гамлет:

За день пути до Лондона пираты
На нас напали, завязался бой.
Убиты Розенкранц и Гильденстерн.
Все, кто со мною был, лишились жизни.

Гораций:

О Боже! А как же вам удалось уцелеть?

Гамлет:

Разбойники во мне признали принца
И взяли в плен, чтоб выкуп получить.
Не думаю, чтоб дядя драгоценный
За жизнь мою дал больше медяка.
На счастье, душегубы перепились,
И я сбежал, раздетый, но живой.

Гораций:

Это перст судьбы, иного объяснения быть не может. Однако вам лучше здесь не показываться. Лазрт жаждет вашей крови, и теперь больше, чем когда бы то ни было. Знаете, кого это хоронят?

Гамлет:

Полония? Неужто он доселе
Протухнуть не успел? Так он святой!
Нетленны оказались его мощи?
Поистине вот чудо из чудес.

Гораций:

Нет, это его дочь. Девушка сошла с ума, по неосторожности упала в пруд и утонула. Многие считают вас виновником ее смерти, и Лазрт первый.

Гамлет:

Офелия? Дурашка утонула?
И этот грех теперь лежит на мне?
Каким я оказался душегубом!
От дяди, знать, достался мне талант.

Дергает головой, от этого движения капюшон падает ему на плечи. В этот миг рыдающий над могилой Лаэрт оборачивается.

Лаэрт:

Он здесь! Он здесь! Спасибо, небеса!
Мои мольбы вы, видно, услышали!
Явился поглумиться ты сюда?
Так здесь и оставайся же навеки!

Бросается на Гамлета, его пытаются удержать, но он сбрасывает тех, кто повис у него на плечах, сбивает принца с ног, падает на него сверху и заносит кинжал. Гораций хватается за руку, вырывает оружие. Лаэрта оттаскивают, Гамлет поднимается. Крик, всеобщая сумятица.

Гертруда:

Ах, Гамлет, почему, зачем ты здесь?

Клавдий:

Прочь уведите принца побыстрее!

Лаэрт:

Вы дали слово чести, государь!
Вернулся он, так будет поединок!

Клавдий:

Дал слово я, и я его сдержу.
Сейчас же уведите их обоих!
Здесь место для печали, не для драки.
Гораций, поручаю вам его.

*Гораций уводит Гамлета в одну сторону, придворные
Лаэрта — в другую. Остаются Клавдий и Гертруда.*

Гертруда:

Ты в самом деле разрешишь дуэль?
Но Гамлета убьет он, нет сомнений!
Лаэрт — силач, заправский дуэлянт,
А сын наш неуклюж и плоскостопен!

Клавдий:

Мальчишки оба, в них клокочет кровь,
Но обойдемся без кровопролитья.
Доверься мне, я всё устрою так,
Что вместо боя будет состязанье
На шпагах с затупленным острием.
Смертоубийство заменю потехой.
Пусть петушки остынут, насажав
Друг дружке шишек, синяков да ссадин.

Гертруда:

Не согласится заменить Лаэрт
Дуэль на фехтовальную забаву.
А если согласится, то затем,
Чтоб все равно отмщением упиться.
И шпагой с затупленным острием
Он Гамлета способен изувечить.

Клавдий:

Но не убить. А взбучка, видит Бог,
Племяннику должна пойти на пользу.

Сцена 6

Галерея замка.

Гораций и Гамлет фехтуют.

У Гамлета выбита рапира, катится по сцене.

Гораций поднимает ее, подает.

Гамлет:

Увы, я совершенно безнадежен.
На бойне больше шансов у коровы
Иль у бифштекса, бьющегося с вилкой,
Чем у меня в дуэли уцелеть.
Как глупо, как бессмысленно задернет
Свой занавес насмешница судьба!
Я думал, что в трагедии играю,
А сам же в буффонаду угодил.

Гораций:

Если вы будете так себя настраивать перед поединком, то непременно погибнете. Вам не нужно быть мастером фехтования, довольно

одного ловкого удара. А я вам сейчас покажу целых два. Эти заветные приемы передаются в роду фон Дорнов от отца к сыновьям. Встаньте в позицию.

Показывает чрезвычайно сложный прием, заканчивающийся уколом в грудь.

Гамлет:

Отличный фокус, только вот, боюсь,
Мне повторить его за вами не удастся.
Я толком разглядеть-то не успел,
Что за кунштюк проделали вы шпагой.

Гораций:

Вы правы, эта комбинация слишком сложна. Тогда второй прием, он соединяет простоту и неожиданность. *(Показывает простой, но убийственный в неотразимости удар: встает к противнику грудью, обе руки вытягивает вперед, перебрасывает шпагу из правой в левую и молниеносно бьет Гамлета в низ живота.)* Только и всего. Все прочие упражнения к черту, сосредоточимся на этом. В самом начале схватки, сразу после команды «Сходитесь», делаете вот так *(показывает снова)*, и дуэли конец. Лазэрт никак не ожидает от вас подобной прыти и не успеет уклониться.

Гамлет:

Как-как? А ну еще раз покажите.

Гораций показывает. Принц пробует повторить, но роняет шпагу.

Гораций:

Ничего, нужно поупражняться. Сначала просто вытяните руки и перебрасывайте шпагу из правой в левую, потом обратно. Вот так, это совсем не сложно.

Появляется Озрик.

Озрик (поклонившись):

Вы мудро поступаете, милорд,
Готовясь столь усердно к поединку.
Я прислан к вам условия сообщить
Ристалища, что нынче состоится.
Наш добрый государь не разрешил
Смертоубийство в замке королевском.
Довольно будет, если оба вы
Блеснете фехтовальной сноровкой
На шпагах с затупленным острием.
Всего назначено двенадцать схваток.
Получит победитель ценный приз:
Жемчужину, которую в венце
Четыре датских короля носили.

Гамлет (*Горацию, вполголоса*):

Что это значит? Неужели он
Жемчужиною жизнь мне выкупает?
Возможно ли, чтоб Клавдий упустил
Удобный случай враз со мной покончить?

Гораций:

Если так, это делает ему честь. Быть может, его
душа не столь черна, как вам представляется?

Озрик:

Прошу прощенья, что мешаю вам
Я поединка обсудить условия,
Но есть еще две малости, о коих
Я должен вам, Гораций, сообщить.

Гораций:

Я слушаю вас, сударь.

Озрик:

Вот первая: угодно ль секундантом
Его высочества вам быть? А мне досталась
Честь секундантом при Лаэрте состоять.

Озрик и Гораций обмениваются поклонами.

Гораций:

Хорошо. Что за вторая малость?

Озрик:

Ее величество просили соизволить
Пожаловать вас к ней для разговора.

С поклоном удаляется.

Гораций:

Ну вот вам и разгадка нежданного милосердия
вашего дядюшки. Наверняка это дело рук ко-
ролевы. Однако что ей может быть от меня
нужно?

Сцена 7

*Покои королевы.
Гертруда и Гораций.*

Гертруда:

Хочу сказать: я счастлива безмерно,
Что сын мой

в вас товарища нашел.

На свете есть всего два человека,
Которым дорог Гамлет — вы и я.
Могли бы мы соединить усилия,
Чтоб принца

от опасностей сберечь.

Гораций:

Я желал бы этого всей душой.

Гертруда:

Давайте для начала поклянемся
Всю правду, без утайки, говорить.

Гораций:

Всю правду без утайки? Это слишком сильное лекарство, оно может причинить вам боль.

Гертруда:

Я боли не боюсь. Я к ней привыкла.
Лишь был бы сын от боли защищен.

Гораций:

Я слушаю, ваше величество. Вы имеете в виду какую-то определенную опасность, угрожающую принцу?

Гертруда:

Да, сударь, ту, которая таится
В его душе. Мне кажется, мой друг,
Что Гамлет одержим опасной страстью,
Его влекущей к саморазрушению.
Мне видится в безумии его
Иль в том, что называют все безумьем,
Причина некая. Известна вам она?
Но помните: всю правду, без утайки.

Гораций:

Хорошо, всю правду. Причина поступков принца мне известна. Как, впрочем, и вам. Эта причина называется «смерть отца». Вернее, убийство.

Гертруда:

Что говорите вы? Убийство? Но мой муж
Пал жертвою случайных обстоятельств!

Гораций:

Всю правду, мадам. Без утайки. Принц рассказал мне, что вы признали свою вину. Я уверен, что сами вы не убивали...

Гертруда:

Клянусь я вам, что не было убийства!

Гораций:

Вы уверены, что свидетелей нет, только вы и ваш нынешний супруг, поэтому и клянетесь. Но вы забыли про жертву. Она восстала из гроба, чтобы свидетельствовать против вас.

Гертруда:

Вы можете ясней, без аллегорий?

Какие доказательства у вас?

Ошибочны они,

в том нет сомненья.

Гораций:

Тут нет никаких аллегорий. Принцу явился дух покойного отца и рассказал, как было дело. Король спал на скамейке в саду. К спящему

подкрался некто и влил ему в ухо яд. Этот некто — ваш нынешний муж. Вот вам вся правда, без утайки. И Гамлет ее знает.

Гертруда:

Неправда это!

Ложь и клевета!

Гораций:

Сударыня, призраки не лгут.

Гертруда:

А этот лжет, бесстыдно и коварно!

Ах, сударь, вы ученый человек.

К лицу ль вам верить в такие бредни?

Скажите, разве можно через ухо

Кого-то отравить? Какая чушь!

Как будто ухо сообщается с желудком!

Гораций:

Вы говорите: чушь? А укус змеи не чушь? В вашей северной стране водится лишь *Viperæ bepus*, гадюка обыкновенная, чей укус болезнен, но несмертелен! Уж придумали бы что-нибудь поправдоподобней!

Гертруда (растерянно):

Чего хотите вы? Скажите, ради Бога!

Гораций:

Правды. Если б вы сейчас взглянули в зеркало,
то поняли бы: отпираться бессмысленно, вы-
ражение вашего лица равносильно признанию.

Гертруда:

Да, со змеей придумано нескладно...
Необходимость вынудила нас...
Труп почернел и страшно так раздулся —
Не скрыть: без яда здесь не обошлось.
Чтоб увести народ от подозренья,
Что был король отравлен, нам пришлось
Змеи укус придумать ядовитой...

Гораций:

Вы говорите «нас», «нам». Неужели я ошибал-
ся, и вы непосредственно участвовали в убий-
стве? Какая гнусность!

Гертруда:

Нет, невиновна я в убийстве! И мой Клавдий
Его не убивал. Муж сам испил
Из кубка смертоносную отраву,
Когда узнал... когда узнал о том,
Что брат родной и милая супруга
Давно в связи любовной состоят.
Двойной измены он не снес, бедняга,
И принял смерть от собственной руки.
Вот в чем виновна я, а вовсе не в убийстве!

Гораций (*после паузы*):

Не знаю, верить вам или нет. Но, если то, что вы рассказали, правда, это злодеянье еще ужасней убийства. Убийца всего лишь лишает свою жертву земной жизни. Тот же, кто доводит человека до самоубийства, убивает не только тело, но и душу. Вы ведь знаете, что самоубийство — единственный из грехов, который религия не прощает. Убить свою вечную душу — это чудовищно. А еще скажу вам, сударыня: на свете нет ничего мерзостней, чем предать человека, который тебя любил и свято тебе доверял. Прощайте, Бог вам судья.

Идет к выходу.

Гертруда:

Он прав, о Боже, прав тысячекратно!
Я чувствовала это и сама!
Вдвойне убийца! Худшая из гадин!
Ужалила — и в землю уползла...

Сцена 8

*Зал во дворце, приготовленный к состязанию.
За столом сидят Клавдий и Гертруда.
Сзади стоят придворные.
Лаэрт и Гамлет в разных концах сцены.
Озрик и Гораций проверяют оружие:
сначала первый, потом второй — весьма
дотошно, сверяя длину клинков
и тщательно ощупывая острия.*

Клавдий:

Смотри же, Гамлет, на тебя я ставлю —
На то, что из двенадцати хоть раз
Один Лаэрта в схватке ты осилишь.
Всего одно туше, не подведи.

Гамлет:

Ах, если бы в пропорции обратной
Поставили вы, я бы ни за что
Не уступил Лаэрту ни укола.

А так вы вынуждаете меня
Поддаться вовсе без сопротивленья,
Лишь только б проиграли вы пари.

Клавдий (*Гертруде*):

Не слишком-то твой сын со мной любезен,
Враждебности своей он не таит..
Весь вечер ты молчишь. Ты нездорова?
Или расстроил чем-то я тебя?

Гертруда (*тихо*):

Не ты, любимый. Я сама причиной
Расстройства моего. Труслива плоть
Презренная и медлит с расставаньем.

Клавдий:

О чем ты говоришь? Какая плоть?

Гертруда:

Прости, я заговариваюсь что-то.

С улыбкой.

Должно быть, слабоумие ко мне
Уже подкралось старческое. Только
Старухой мне не быть, ты угадал.

Громко.

Чего мы ждем? Сигнал давайте к бою!

Клавдий:

Сходитесь, господа!

Пусть восхитит

Нас ваше фехтовальное искусство.

Лазрт (*Гамлету, тихо*):

Ты думал, что от смерти улизнешь,

Бой чести променяв на клоунаду?

Так клоуном я выставлю тебя,

А напоследок тяжко искалечу.

Лазрт наскакивает на Гамлета, делает обманное движение и с размаху наносит удар плашмя принцу по лбу.

Озрик:

Удар засчитан! Это будет раз.

Смешки в зале.

Вторая схватка: Лазрт снова легко одерживает верх, бьет Гамлета по щеке, опять плашмя. На лице принца остается полоса.

Озрик:

Удар засчитан! Это будет два.

Третья схватка: Лаэрт наносит Гамлету удар плашмя по другой щеке.

Озрик:

Удар засчитан! Это будет три.

Лаэрт:

Есть лошадь африканская, она
Зовется зеброй. Тоже вся в полоску.

Четвертая схватка: Лаэрт наносит Гамлету сильный удар в сгиб левого локтя — на рубахе проступает кровавое пятно.

Гамлет:

Рука! Вы, сэр, мне руку пропороли!

Клавдий:

Так, значит, нужно бой остановить!

Лаэрт:

Но правая рука пока цела,
По правилам бой может продолжаться!

Клавдий:

Что скажут секунданты?

Озрик и Гораций перешептываются.

Озрик:

Если принц
Готов признать досрочно поражение...

Гамлет:

Как бы не так! Продолжим, черт возьми!

Пятая схватка. Сделав длинный выпад, Лаэрт наносит принцу удар в пах. В зале смех и улюлюканье. Гамлет сгибается пополам, падает. К нему бросается Гораций, помогает подняться.

Гамлет (сквозь зубы):

Мерзавец, он глумится надо мной...
Пусть радуется дядя, я в пари
Ему сейчас победу обеспечу.
Удар я ваш заветный применю.

Противники встают друг напротив друга. Как только Озрик подает знак, Гамлет применяет уловку с переменной рук и наносит Лаэрту сильнейший удар в живот. Рев голосов. Лаэрт падает, но тут же встает, держась за живот. На рубахе — красное пятно.

Гораций:

Удар за принцем! Пять против одного в пользу господина Лаэрта. Первая половина поединка завершена! Минута передышки.

Клавдий:

Отлично, Гамлет, я горжусь тобой!
Я знал, что не ошибся, сделав ставку!
Пора нам выпить доброго вина
За нашего наследника, Гертруда!

Гертруда (вздвигнув):

Вы правы, государь, давно пора...

Смотрит на стоящий перед ней кубок, медленно поднимает, чокается с королем.

За сына пью, чтоб дал успокоенье
Ему Господь.

Пью, Клавдий, за тебя.

Душой будь чист, избавься от терзаний.
Вину я забираю всю с собой.
Закон велит свершившего убийство
На эшафоте смерти предавать,
А если человек вдвойне убийца,
То, стало быть,
ему — двойная смерть.

Залпом пьет.

Клавдий (вскочив):

Ты в лихорадке! Что ты говоришь?
Ни слова я не понял. Ради Бога...

*Королева хватается рукой за горло, падает.
Всеобщее смятение.*

Гораций:

Это вино! Оно отравлено!

Гамлет:

Ах вот как! Ты отца мне отравил,
Теперь и матери лишить меня задумал!

*Вырывает у Горация из ножен шпагу, бросается к
Клавдию и пронзает его.*

Издыхни, пес!

Клавдий:

Ко мне! Какая боль!

Гамлет бьет его еще и еще.

Гамлет:

Убийца он, коварный отравитель!
Пусть тотчас Государственный Совет
Здесь соберется. Расскажу я правду,
И пусть милорды скажут свой вердикт.

*Лазрт с криком хватается за живот и оседает на
пол.*

Лаэрт:

На помощь! Всё нутро горит огнем!

Разрывает на себе рубашку.

В глазах темно... Где лекарь? Помогите!

Гораций и Озрик склоняются над ним.

Гораций:

Смотрите, рана неглубока, но вся почернела!
Клинок был смазан ядом!

Гамлет (задрал левый рукав):

И мой порез, смотрите, почернел!
В глазах кружится, подогнулись ноги...

Роняет шпагу, к нему кидается Гораций, поддерживает.

Гораций:

Подлый Клавдий! Так вот почему он заменил
дуэль на состязание! Хотел разом избавиться
от обоих!

Их обступают со всех сторон.

Гамлет:

Гораций, пусть они все отойдут...

Уйдите прочь! Я видеть ваши рожки
В последнюю минуту не хочу!
Мой друг расскажет вам всю подоплеку,
Но после, а сейчас оставьте нас!

*Все отходят. С Гамлетом остается один Гораций.
Он бережно усаживает Гамлета на королевский
трон.*

Гамлет:

Гораций, друг, скажи мне лишь одно:
Ты мной гордишься? Ведь признайся честно:
Не верил ты, что выполнить смогу
Завет отца я... Дальше лишь безмолвье...

Гораций:

Нет, принц, я знал, что вы всё исполните.

Гамлет умирает с улыбкой.

*Звуки труб. В зал входит Фортинбрас в сопровож-
дении офицеров.*

Фортинбрас:

Где всё это случилось? Прямо здесь?
Я, с войском мимо следуя, явился
С почтительным визитом в Эльсинор.
А тут беда — династия прервалась...

Гораций:

Ваше высочество, династия датских королей и в самом деле прервалась, однако ее последний отпрыск, благородный принц Гамлет, умирая, завещал передать корону вам.

Озрик:

Об этом он сказал вам на прощанье?

Фортинбрас:

Несчастный принц. Мне жаль, что не успел
Его в живых застать я. Злое дело
Здесь совершилось. После разберу
Подробности ужасной этой драмы.
Сейчас же пусть четыре капитана
Поднимут тело принца и с почетом
На погребальный выставят помост...

Офицеры выносят Гамлета, придворные следуют за ними.

Гораций:

Вы появились минута в минуту, ваше высочество. Служить вам — истинное удовольствие. У вас все задатки великого короля.

Фортинбрас:

С такими слугами, как вы, фон Дорн,
Нетрудно стать великим государем.

Но как вам удалось в один прием
Расчистить путь мне к датскому престолу?

Гораций:

Это было не так трудно, милорд. Понадобился маленький фокус с призраком, подмененное письмо, душеспасительная беседа с королевой, да несколько капель яда, которым я смазал клинки перед поединком. Ваши мнимые пираты, доставившие Гамлета обратно в Данию, исполнили задание безукоризненно. Единственную серьезную угрозу представлял заговор французской партии, но мне удалось вовремя устранить ее предводителя, канцлера Полония, а молодой Лаэрт был неопасен.

Фортинбрас:

Вы истинный кудесник, друг Гораций.

Гораций:

О нет, ваше высочество, я всего лишь исследователь человеческой природы.

Кланяется Фортинбрасу.

З А Н А В Е С

Б о р и с А к у н и н

Б о р и с А к у н и н

Борис Акунин

Борис Акунин

КОМЕДИЯ

邯
鄲

Москва
«ОЛМА-ПРЕСС»
2002

ББК 84 (2Рос-Рус) 6
А 44

Акунин Б.
А 44 Комедия. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. — 192 с.
ISBN 5-224-03870-7

Художник
Григорий Златогоров

Б. Акунин
КОМЕДИЯ

Художественный редактор *М. Ю. Епифанова*

Подписано в печать 16.05.02. Формат 70x108^{1/32}.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л.
Тираж 40 000 экз. Изд. № 02-4597. Зак. № 4568.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
129075, Москва, Звездный бульвар, 23.

Отпечатано в полиграфической фирме «Красный пролетарий»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

ISBN 5-224-03870-7

© В. Акунин, 2002
© Издательство
«ОЛМА-ПРЕСС», 2002

ЗЕРКАЛО СЕН-ЖЕРМЕНА

Святочная история
в двух действиях

Посвящается Ю. М.

Действующие лица:

Константин Львович Томский,
*управляющий кредитно-ссудным
товариществом «Добрый самарянин»*

Вован,
*генеральный президент
инвестиционно-маркетингового холдинга
«Конкретика»*

Зизи,
жена Томского

Клавка,
секретарша Вована

Веннамин Анатольевич Солодовников,
*председатель совета пайщиков
«Доброго самарянина»*

Колян,
первый вице-президент «Конкретики»

Птеродактор

Пыпа,
председатель правления банка «Евросервис»

Буревестник

Хранитель Музея

Господни в парике

Телухранители, мастеровые, грузчики, слуги

Сцена разделена на две части. Две комнаты, очень похожие одна на другую — с лепниной и барельефами. Собственно, это одна и та же комната старинного особняка, разделенная одним столетием.

Слева — интерьер 1900 года: письменный стол с креслом, секретер. В углу напольные часы XVIII века. На стене картина в золотой раме: некий господин с весьма примечательным лицом, в пудреном парике и с орденом Золотого Руна на шее. В окне, расположенном напротив зала, чернота — там зима, ночь.

Справа — современная комната: голые стены, никакой мебели, на полу валяются листки бумаги. На стене покосившийся портрет Ахматовой. В окне сияет подсвеченный сталинский небоскреб. Мигают электронные часы.

На перегородке, разделяющей сцену, боком к зрителю, видна — профилем — пышная бронзовая рама зеркала, — вернее, двух зеркал, висящих на одном и том месте, но по разные стороны перегородки.

Действие происходит попеременно то в левой, то в правой половинах сцены, которые, соответственно, освещаются или затемняются.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

**Репарация
и сатисфакция.**
(1900 год, т.е комната слева)

Доносятся звуки романса «Ямщик, не гони лошадей», сопровождаемые граммофонным поскрипыванием. Потом, приглушенным фоном,

«Вечерний звон». На письменном столе бутылка шампанского и бокал.

Томский (щеголь с подкрученными усами а-ля Бисмарк, с набриллиантиненным пробором посреди головы) и Солодовников (пухлый господин купеческой наружности, с бородой венником) стоят перед письменным столом.

Солодовников: Да-с, Константин Львович! А вы думали, Солодовников шутит? Нет, время шутки шутить кончилось. И если я в канун Нового года (*тычет пальцем на часы, стрелки которых недалеко от полуночи*), да не какого-нибудь, а особенного, 1901-го, вместо того чтоб пребывать в кругу любящего семейства, нахожусь здесь, на то имеется одна-единственная причина. Чаша моего терпения переполнилась, я жажду отмщения. Вы растратили из кассы «Самарянина» сто тысяч. Сто тысяч! Вот постановление об аресте вашего имущества! (*Машет бумагой с печатями.*) Не скрою, я намеренно распорядился вывезти из вашего дома мебель именно в этот день и час. Вы отравили мне своим мотовством, своей безответственностью долгие месяцы, а я испорчу вам встречу Нового года! Шампанское приготовили? Дудки-с! Сидючи на полу выпьете! Будь проклят

день, когда мне пришло в голову пригласить пустоголового лейб-гусара на должность управляющего ссудно-кредитным товариществом!

Томский: Будь проклят день, когда я поддался на ваши посулы! Две тысячи жалованья! Выезд четверкой! Служебный особняк! Тьфу, презренная Мамона! Если б не вы, я б уже в полковники вышел, эскадрон получил!

*Входят двое мастеровых, выносят секретер.
Возвращаются за креслами.*

Солодовников: И не думайте, сударь мой, что вы отделаетесь от меня этими деревяшками! Я получу с вас все положенные репарации, до последней копейки-с! А нет, так извольте в тюрьму! На каторгу! В Сибири вам усишки-то нафабрят! Воротнички-то накрахмалят! А не хотите — извольте репарацию, да-с!

Томский: Помилуйте, Солодовников, где я вам возьму сто тысяч? Я же вам честно-откровенно, как мужчина мужчине! Вы должны меня понять! Тут вопрос страсти — лютой, нерассуждающей, африканской!

Солодовников: Где возьмете? У супруги вашей, Зинаиды Аркадьевны. Пусть драгоценности свои заложит. Или у папеньки попросит.

Томский: Никогда! Это бесчестно! Лучше на каторгу!

Рабочие выносят письменный стол, предварительно сняв с него и поставив на пол бутылку с бокалом. Со стола падает увесистый адрес в кожаном переплете.

Солодовников: А растрата — честно? На денежки пайщиков цыганок в Отрадное возить честно? Так порядочные коммерсанты не поступают. Выбирайте: Сибирь или полная репарация.

Томский: Ре-па-ра-ция. Словечко-то какое мерзкое. Так и несет двадцатым веком. (*Тоже тычет пальцем на часы.*) В нашем, девятнадцатом в ходу всё больше было слово «сатисфакция». Ну хорошо: я, Константин Томский, чересчур вольно обошелся с кассой, вы, председатель совета пайщиков ссудно-кредитного общества «Добрый самарянин» почитаете себя оскорбленным и жаждете отмщения. Отлично! Вызовите обидчика на дуэль, как это принято у благородных людей. Так нет же — судебным постановлением размахиваете, каторгой грозите! Купчишка, жалкий арифмометр!

Мастеровые подходят к зеркалу, берутся за раму.

Томский: Не смей! *(Отталкивает мастеровых.)*
Хамскими руками! Не позволю! Это зеркало Сен-Жермена! Подарок графа моей прапрабабке Анне Федотовне! Оно волшебное! У нас в роду верят, что, если в Новый год на шестом ударе часов чокнуться с зеркалом бокалом шампанского...

Солодовников *(беря бутылку):* Пожалуй, шампанское тоже заберу. Ишь, «Клико», двадцатилетнее. Четвертной за бутылку. Мой, заметьте, четвертной.

Томский *(бросается на него, отбирает бутылку):*
Не смей! Пока еще мой век! До вашего, двадцатого, *(мельком оглядывается на часы)*, три минуты! Вон отсюда, человек будущего!

Выталкивает за дверь Солодовникова и мастеровых, запирается.

Голос Солодовникова *(из-за двери):* Немедленно откройте! Иначе я спущусь к Зинаиде Аркадьевне и всё ей расскажу! Да, всё-с. Слышите? И про цыганку Любу, и про Отрадное!

Томский: Вы злоупотребите моей откровеннос-

тью? Негодяй! Бедная Зизи и без того страдает!

Голос Солодовникова: Так отоприте.

Томский: Нет!

Голос Солодовникова: Ну как угодно-с. Вы, двое, ждите здесь.

Томский наливает в бокал шампанского, подходит к зеркалу, смотрит на себя.

Томский: Кажется, всё. В новом столетии нам с тобой, мон ами, места нет. Там будут распоряжаться их степенства господа Солодовниковы, хозяева жизни. Пусть их распоряжаются. А меня увольте, противно... У благородного человека всегда есть выход. *(Достает из кармана револьвер.)* Что ж, Констан, в Бога мы с тобой не веруем, адского пламени не страшимся.. Последний бокал шампанского, и прости-прощай. *(Начинают бить часы. Томский подпевает граммофону.)* «Вечерний звон, бом-бом». Господи, которого нет, я не хочу жить в гнусном, плебейском столетии, что начинается с сей минуты.

Подносит револьвер к виску. Лево́й рукой чокается со своим отражением — аккурат на

шестом ударе часов. Раздается громкий звон, словно хрусталь ударился о хрусталь. Свет гаснет.

**Халявная недвижка
(2000 год, т.е. комната справа)**

Электронные часы показывают 23:50, и цифры постепенно приближаются к полуночи. Пьяные голоса за сценой поют «Как упоительны в России вечера», потом что-нибудь вроде «Не стреляйте друг в друга, братва» и далее в том же духе из современного эстрадного репертуара.

Посреди комнаты Вован и Колян (одинаковые чубы, бритые затылки). Первый в красном блейзере с золотыми пуговицами и в зеленом галстуке, второй в широком пальто. Во время последующего разговора грузчики вносят мебель: огромный полированный письменный стол, кожаные кресла, компьютер в коробке и прочее подобное.

Вован (озираясь): Конкретная хатенка, а, Коляныч? (Показывает на барельефы.) Телок с

пацанами сыем, только имидж портят. Потолочек навесной запустим, тут ковролинчик белый, сидалы кожаные, офисный гарнитур, компуську с наворотами — адекватный будет кабинетик.

Колян: Вован, я стараюсь. Ты просто супер. Такую недвижку на халяву обломил! Классика! Гладко так подкатил к этому козлу старому, типа «дедушка, родненький, сдай закуточек в субаренду по две сотни за квадрат», а после — хрясь! — и сделал птеродактора.

Вован: Кого, блин?

Колян: Ну, редактора этого (*кивает на портрет Ахматовой*). Птеродактор — это я, Вован, прикололся. Птицы такие были, переходли все. По телеку видел.

Вован: А-а... Ты вот чё, Колян. Про «Вовчика» и «Вована» забыл, ясно? Раз такая маза обломилась, теперь у нас всё будет по понтам, интеллигентно. Чисто и год подвалил 2001-й, это ж двадцать первый век, блин. Очко, понял? Шевели мозгами, Колян, не лажайся на прикупе. Я чё всю кодлу, в смысле весь коллектив холдинга, привез сюда Новый год гулять? Имидж у нас теперь другой, догоняй. Я те больше не Вован, а Владимир Егорыч, генеральный директор

инвестиционно-маркетингового холдинга «Конкретика». Вован в Раменках остался, въезжаешь?

Колян: Въезжаю, Вовчик. Сорри — Владимир Егорыч.

Вован: То-то. Чё коллектив (*кивает в сторону хорового пения*), нормально? Культурно оттягивается?

Колян: А то. Шампусика завезли пять ящиков, французского, по полцентнера баксов пузырь. Во! (*Достает из кармана пальто бутылку шампанского, ставит на стол.*) Газировка, обыкаешься. Эх, за портвешком бы сгонять пробористым, три семерочки, как раньше. Картошечки с лучком пожарить. Нет больше трех семерочек, ни за какие бабки не добудешь. Какую страну просерили, суки!

Вован: Ничего, вискарю с омарами похаваете. Привыкай, Колян. Ты это, с Пыпой перетер? Чё, крепко его зауродило?

Колян: А то. Пыпа гноится, как чирей. Типа, нарывается Вовчик и всё такое. Такую хату подмял и не делится.

Вован: Ладно, разведем по-культурному, без заморочек. Он теперь тоже не Пыпа, а Петр Леонидыч, председатель правления банка «Евросервис». (*Грузчикам, которые внесли*

картину.) Вон туда, заместо этой хренотени (показывает на портрет Ахматовой).

Грузчики снимают АА и вешают большой портрет Вована, играющего на бильярде.

Стук в дверь. Входит Птеродактор - интеллигентный старичок лотмановского вида.

Птеродактор: Владимир Егорович, извините за позднее вторжение. Я забыл взять... *(Видит, как грузчик несет вверх ногами портрет Ахматовой.)* Ах, вот он! Позвольте, позвольте я! *(Берет портрет, прижимает к груди.)*

Птеродактор стоит и смотрит на Вована, укоризненно качая головой.

Вован: Ну чё встал? Взял свою ляльку и вали.

Птеродактор: Как же вам не совестно? Из-за вашей нечестности редакция журнала «Родная речь» посреди зимы осталась без крыши над головой. Ведь у нас уникальное издание, призванное оберегать чистоту русского языка. Оставьте нам хотя бы первый этаж! Если вы этого не сделаете...

Вован: Ну, и чё будет?

Птеродактор: Вам потом будет стыдно.

Вован и Колян гогочут.

Вован: Дед, ты меня не кошмарь. Слышал народную мудрость: «Была у лоха избушка лубяная, да подсел на кидалово»? Запиши, дарю. После в журнале напечатаешь.

Отворачивается. Птеродактор с ужасом смотрит, как грузчики вешают на кариатиду мишень для дартс.

Птеродактор: Это лепнина восемнадцатого века! Она представляет собой культурно-историческую ценность!

Вован *(не слушая, встает перед зеркалом):* Во, блин, задрипа. В пятнах всё, еле хавальник видать. На вокзале в сортире и то лучше вешают. *(Грузчикам.)* Эй, пацаны, дрыну эту на помойку.

Птеродактор: Вы с ума сошли! Это зеркало графа Сен-Жермена! С ним связана старинная легенда! Если в новогоднюю ночь чокнуться с ним шампанским ровно на шестом ударе часов, оно исполняет любое желание, самое невероятное! Я каждый год пробовал — просил, чтобы наконец закончилась власть большевиков. Только всё никак на шестой удар не попадал. То чуть раньше, то чуть позже. Рука дрожала. А на новый, 1991-й год, по-

лучилось: чокнулся мгновение в мгновение!
Вован: Что ты чокнулся и так видно. Всё, дед, надоел. Ноги в руки и топ-топ на выход.

Птеродактор, опустив голову, идет к выходу. У порога оборачивается.

Птеродактор: Молодой человек, вы раскаетесь.
(Выходит.)

Вован (грузчиком). Стоп, пацаны. (Щупает раму.)
А рамка-то ничего, адекватная. Наждачком
пройтись, позолотить... Стекляшку другую
вставим. Или Клавке подарить?

*Тем временем один из грузчиков вешает на стену
большущий календарь на 2001 год с голой деви-
цей. Вован подходит, одобрительно кивает.*

Вован: Слышь, Колян, Клавку позови. У нас тут
с ней бартер на бартер...

Колян: Понял, Вован... Владим Егорыч.

*Выходит. В комнату входит Клавка. Она в
новогоднем наряде: невозможная мини-юбка,
прозрачная блузка на одной бретелечке, высо-
ченные каблуки.*

Клавка: Ну?

Вован: Чё «ну»? Я те протокол о намерениях представил? Ты обмусолить обещала? Давай, выкатывай.

Клавка: Да, Вовик. Я как бы на самом деле обдумала твой проект. В плане поехать к тебе на дачу в Отрадное и всё такое. Только учти, Вован, я тебе не давалка десятибаксовая. На фу-фу такие женщины не достаются.

Вован: Короче.

Клавка: Ты как бы должен сознавать, что тебе теперь не цыпка по вызову нужна, а классная герлфренд, с которой как бы не стремно потусоваться в престижном обществе. Я ж на самом деле понимаю. Посмотри на себя и на меня. Ты кто? Ватник раменский, только не обижайся, да? А я Иняз закончила. Хочешь тебе по-английски, хочешь по-французски. Соображай, Вовик.

Вован: Еще короче.

Клавка: «Бээмвешка», новая.

Вован (присвистнув): Ты чё, Клавк, упала? Конечно, ты бикса представительная, при всех наворотах, но это ж сорок штук баксов! Тоже Клавдия Шифер нашлась!

Клавка: Ну это как бы хозяин — барин. Гляди, Вован. На самом деле тебе решать.

Гордо выходит, оставив дверь открытой.

Вован хочет идти за Клавкой, но тут его взгляд падает на часы, показывающие 23:59.

Вован: Блин! У меня ж речь!

Быстро открывает бутылку, достает из кармана листок бумаги.

Вован (в открытую дверь, откуда доносится песня): Тише вы, козлы! (Дверь захлопывается.)

Садится за стол. Крутится на кресле, но ему не нравится неторжественный вид коробки с компьютером. Встает перед зеркалом. В правой руке бутылка, в левой — листок.

Вован (торжественно, время от времени заглядывая в листок): Дорогой Владимир Егорович! Поздравляю вас с Новым годом. Чтоб, как говорится, жизненный путь был вам глаже мыла, а всяким козлам острее шила. В этот торжественный момент, знаме... знаменующий наступление нового двадцать первого века, желаю вашему холдингу «Конкретика» процветания, а лично вам сибирского здоровья, ломовой прухи и бабок немеряно. Владимир Егорович, круче вас только Жима... Жималунгма! (Электронные часы, на которых

00:00, начинают противно пищать: раз, другой, третий. Из соседнего помещения доносится радостный вопль. Вован прячет листок в карман.) Давай, братан, урой их всех! Ты всех сделаешь! Уау! Век воли не видать!

Чокается бутылкой с зеркалом как раз на шестом писке часов. Раздается звон хрусталя.

Свет гаснет. Посередине сцены мерцающее сияние — видны только силуэты Томского и Вована, стоящих друг напротив друга в зеркальном отражении, потому что у Томского бокал в левой руке. Бокал и бутылка соприкасаются. Дальнейшие движения актеров синхронны: оба одновременно роняют — один бокал, другой бутылку, делают полшажка назад, машут друг друга правой рукой, как бы отгоняя наваждение. У Томского в правой руке револьвер.

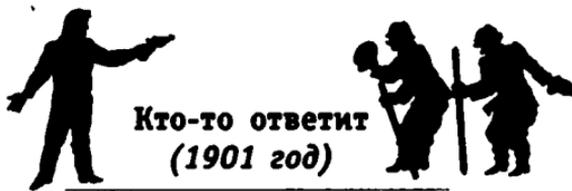
Вован: А, суки! Зеркало дырявое! Ну птеродактор, ну падла! «Раскаетесь», блин, а я не въехал! Стыдно! В натуре стыдно!

Томский: Господи! Это — Смерть?! Эта лакейская образина?! А, всё равно!

Томский хочет приставить револьвер к виску.

Вован: Врешь, Чапаев, не возьмешь!

Хватается за ствол револьвера, дергает на себя и выдергивает Томского на свою сторону, но и сам перелетает на левую половину. Гром выстрела. Мерцание исчезает, слышен лишь бой часов, которому вторит электрический писк: бомм-пии, бомм-пии и т.д. Через несколько секунд загорается свет в левой половине сцены, куда должен успеть вернуться актер, играющий Томского. Теперь он - Вован.

Вован оборачивается к зеркалу, в руке у него револьвер Томского.

Вован: А, ты еще одну волюну припас! Получи, урод!

Палит в зеркало. Звон разбитого стекла. Из-за двери доносится пронзительный женский вскрик. Вован тупо смотрит на зеркало.

Грамофон взывает «О, где же вы, дни любви?».

Вован (*мельком оглянувшись*): У, совсем ужрались... Алё, ты где? Я тя завалил или нет? (*Сует голову в раму. Тупой стук. Хватается за лоб.*) Не понял! (*Оборачивается, смотрит на комнату.*) А мебель где? Гарнитурчик, Италия, восемь тонн баксов! (*Вертит головой во все стороны. Застывает при виде черного окна, из которого исчезло высотное здание.*) Эй-эй, куда ёлку задевали!

В дверь стучат.

Вован хочет вытереть рукой нос и натывается на подкрученные усы.

Вован: Что за глюки? Братва прикололась, в шампусик грибца натерла! (*Дергает себя за ус.*) Ай! (*Пятится назад, задевает каблуком валяющуюся на полу панку. Подбирает. Читает.*

ет.) «Дражайшему Константину Львовичу отъ признательныхъ сослуживцевъ въ ознаменованье Новаго 1901 года!» Какого, блин? Девятьсот первого?! *(Бросается к окну.)* Это чё за Замухранск? Ну, кто-то ответит! *(Поворачивается к зеркалу, хлопает себя по лбу.)* Ё-моё! Чего дед-то полоскал? Чокнуться, желание... В натуре? Без булды?! А чё я такого сказал? Сибирского здоровья, прухи ломовой... Чтоб круче всех... *(Лезет в карман за бумажкой и только теперь замечает, что одет не в блейзер, а в сюртук и брюки со штрипками.)* Мама моя! Я ж когда чокался, ляпнул «Век воли не видать!». Что же мне теперь, сто лет тут на киче париться? *(Кидается к раме, кололится в стену.)* Дедушка! Родненький! Выпусти! Пущу тебя на первый этаж! Падла буду — пущу! Воще, блин, съеду, только не кошмарь!

В дверь стучат снова, громко — сразу несколько человек.

Голос Солодовникова: Томский, вы что, стрелялись? Не валяйте дурака! Глупо, право глупо! Зинаида Аркадьевна в обмороке. Я слышал ваш голос, значит, вы живы! Мы выломаем дверь!

*Звук ударов. Вован вжимается в стену. За-
травленно озирается по сторонам, щупает
свою одежду.*

Вован: Евроремонт, люксовый прикид. Я чё тут у них, центральной? А эти чего? Ё-мое, в каком там у них году революция была? Типа Великий Октябрь? Щас, щас... *(Лихорадочно трет лоб.)* Эти на ворота лезут, а там эти сидят, шишаки с олигархами. *(Пантомимически изображает картину штурма Зимнего.)* Как это... «Бежит матрос, бежит солдат, шмаляют на ходу. Трата-та-та, трата-та-та в каком-то там году». В каком, блин, не в девятьсот первом? Говорила мать: учись, Вовка, дурнем вырастешь...

Голос Солодовникова: Ломом ее, ломом! Томский, вы откроете или нет?

Вован *(выставляет вперед руку с револьвером):* Я не томский, а раменский! Задешево не возьмете, пролетарии штопаные! Замочу!

Дверь распахивается, в комнату с разбегу влетают двое мастеровых с ломом, за ними Солодовников. Вован уже хочет стрелять, но мастеровые сдергивают картузы и кланяются.

Первый мастерской: Извиняйте, барин.

Второй мастерской: Нам их степенство велели (*показывает на Солодовникова*).

Солодовников: Константин Львович, что за ребячество! Зеркало прострелили, а оно, сами говорили, фамильное. Значит хороших денег стоит. Уберите вы это (*презрительно показывает на револьвер*). Меня на мелодраму не возмешь, не из таких-с. Я — человек деловой. Извольте вернуть деньги!

Вован: Так это чё, наезд? Во блин, сто лет прошло, ни банана не поменялось. Спокуха, деловой, не мети пургу. Обрисуй толком: сколько?

Солодовников: Как «сколько»? Будто вы не знаете! Сто тысяч!

Вован: Костян тебя на сто тыщ зеленки выставил? Круто!

Солодовников: Какой еще зеленки? Вы что, решили сумасшедшего изобразить? Не выйдет! С вас сто тысяч рублей!

Вован (*опускает револьвер*): Рубле-ей? А чё ты тогда цунами погнал? Еще деловой! Обижает, братан. Чтоб Костыка по мелочевке крысятничал? Давай по-людски края разведем. Мы ж не в колхозе — за сто кубов деревяшек разборку затевать.

Солодовников: Господин Томский, не морочьте

мне голову. Я последний раз спрашиваю: вы намерены вернуть долг?

Вован: Какой базар. Если на счетчик ставить не будешь, разойдемся. Недельку отслюнишь?

Солодовников (*напряженно хмурясь*): Вы не шутите? Вы и в самом деле через неделю вернете в кассу все деньги?

Вован: Не такой человек Костя Томский, чтоб фуфло толкать.

Солодовников: Дайте слово чести, иначе не поверю.

Вован (*чиркнув себя большим пальцем по горлу*): Сука буду. Мое слово — железняк.

Вбегает Зизи.

Зизи: Констан, ты жив? (*Замирает на месте. Выражение лица из взволнованного делается презрительным.*) Ну разумеется. Как я могла подумать... Подлецы не стреляются. Уйдите, Вениамин Анатольевич. Я заложу бриллианты, возьму в долг у папа. Вы получите ваши деньги.

Солодовников: Что ж, неделю, пожалуй, дам. Ну-с (*усмехается*), не буду мешать семейной сцене. Константин Львович, Зинаида Аркадьевна.

С поклоном удаляется. Мастеровые тоже уходят.

Вован (*глядя вслед Солодовникову*): Лох однозначный. Даже расписки не взял. Поглядим еще, какой ты деловой. (*Поворачивается к Зизи.*) Ты погоди пока у попа своего башлять. Он, поп этот, какой навар берет? Если больше десяти в месяц, ну его в тринду. Сам разберись.

Зизи: Низкий человек! Гнусный развратник! Солодовников всё мне рассказал. Я требую объяснений!

Подходит к Вовану и бьет его по щеке. Под звук смачной пощечины свет слева гаснет и зажигается справа.

Томский стоит спиной к зеркалу и удивленно озирается. Голоса за дверью поют «И вновь продолжается бой, и сердцу тревожно в груди».

Томский: Никогда не думал, что Смерть — это Зазеркалье. Так вот о чем писал Льюис

Кэррол! Алиса просто умерла! Хм, та же комната, но какая странная. *(Оборачивается к зеркалу.)* И ты здесь, холуйская морда! Томский и на том свете оскорблений не прощает! *(Бьет по зеркалу кулаком.)* Черт! *(Нянчит ушибленную руку. Потом челюсть у него отвисает. Он начинает жестикулировать перед зеркалом, хватать себя за щеки, за нос.)* А-а-а! Кто это? Это я?! Какой ужас! Неужто правы буддисты со своим перерождением душ? За несправедную жизнь меня вернули на предыдущую стадию развития, разжаловали в хамы! Но это нечестно! Я же не буддист! Или им тут всё равно, в кого ты верил и верил ли вообще? *(Видит небоскреб в окне.)* Боже мой, что это? *(Подбегает к окну.)* Точь-в-точь как в журнале «Созерцатель» — Город Будущего! Только аэровелосипеды по небу не летают! Я в раю или в аду? В рай мне вроде бы не за что... А если это ад... *(Замечает на стене календарь с девицей, подходит, вставляет в глаз монокуляр, оценивающе склоняет голову.)* ...То здесь не так уж скверно. Какая смелость, какая точность деталей! Сколько жизни! Чья это работа? *(Ищет подпись художника.)* С каким годом? С 2001-м? Я в 2001 году? *(Снова оглядывается на окно, потом вдруг падает на*

колени и воздевает руки к небу.) Господи Всеблагий Всемогущий, прости, что не верил в Тебя и усомнился в Тебе! Ты услышал мое моление и внял ему! Раз я не желал жить в двадцатом веке, ты сразу перенес меня в двадцать первый! Верую, Господи, верую! *(Экстатически крестится.)* Ты перенес меня в невообразимо прекрасный, изумительный век, где нет ни Солодовниковых, ни репараций! *(Снова подбегает к окну.)* О, какие дома! Какие авто! Какая иллюминация! А это что? Стихи. «В новом годе и новом веке снова с заботой о человеке. Блок «Отечество — Вся Россия». Что за Блок? Уж не Сашура ли, сынок Сэнди Кублицкой? Мальчик, кажется, пишет стихи. Должно быть, в двадцатом столетии стал знаменитым поэтом, вроде Пушкина, сочинил патриотические стихи. «Отечество — вся Россия», хорошее название. *(Умиленно всхлипывает. Смотрит на портрет Вована.)* А у меня тут висел «Портрет неизвестного». *(Вздыхает.)* По семейному преданию, писан с самого графа Сен-Жермена. Эх, поди, Солодовникову достался...

Дверь открывается, входит Клавка. Подбегаясь, смотрит на Томского.

Клавка: Ну, жлоб, надумал?

Томский смотрит на нее, потрясенный небесной красотой секретарши, а еще более ее мини-юбкой. Закрывает ладонью глаза, словно ослепленный, и свет гаснет.

Айсберг в океане
(1901 год)

Вован и Зизи.

Вован (*держась за щеку*): Зинк, ты чё? Чё сразу по морде-то? Ты с нерва-то съезжай. Перетрем, как люди, обкашляем.

Зизи: Ты же клялся, что это больше не повторится! Я поверила тебе, простила гнусную интрижку с той развратной актриской! А теперь цыганка! Ты чудовище! Всё, довольно! Мы расстаемся! Я уезжаю в Биарриц, а ты... Ты живи, как хочешь.

Вован: Минуту, киса! Ты чё вешаешь? Как это в натуре «уезжаю»? А кто тут гнал про брулики, про башли? У нас не Африка, цыпа.

У нас за базар отвечают. Отстегивай сто штук и валяй на все четыре.

Зизи: Какая Африка? При чем тут базар? Ты говоришь загадками. В последние месяцы тебя словно подменили! Я перестала тебя понимать! А может быть *(всхлипывает)*, и никогда не понимала...

Вован: Я тебя за язык не тянул. Ляпнула — башляй. Зинуль, ну ты чё в натуре, хочешь, чтоб этот козлина меня завалил? Ты видала, какие у него быки? У меня ж тут кроме тебя никого! Давай мани, киска, шурши пенёнками *(трет большой и указательный палец)*.

Зизи: Ты о деньгах? Боже, какое ничтожество! *(Выдергивает серьги, снимает с пальцев перстни.)* На, заложи это, жалкий человек.

Порывисто бежит к двери, но на пороге останавливается и рыдает.

Вован *(рассматривая драгоценности)*: Круто! Пудов на полста зеленки! О'кей, мадам. Малина нас венчала, а зона развела. Мерси и пакеда. Гуд бай, май лав, гуд бай. Куда бы их заныкать? *(Делает даме ручкой, а сам смотрит куда бы спрятать добычу.)*

Зизи порывисто оборачивается.

Зизи: Констан... Ты сказал «my love»? Значит, ты меня еще любишь? А перед этим ты сказал, что у тебя кроме меня никого нет. Ты теперь правда... один?

Вован: Ну. Чисто, как айсберг в океане.

Зизи: Айсберг в океане! Как красиво! Мне тоже так одиноко... *(Протягивает к нему руки.)*

Вован *(глядит на нее с отвисшей челюстью, бормочет себе под нос):* Блин блиновский! Ну Костька лох! Такую евроматреху на театр «Ромэн» променял! Какие лекала! А глаза — цвета «мокрый асфальт»! И я тоже пень лесной! *(Роняет драгоценности на пол.)* Зинка, я от тебя тащусь, как вошь по гребешку! Чисто по песне: «Любовь как финка в грудь его вошла». *(Они движутся друг другу навстречу, как зачарованные.)* Перепихнемся, цыпа?

Вован хватает ее за бока. Зизи еще крепче обхватывает его за шею.

Зизи: Сумасшедший... Совсем такой, как прежде...

Поцелуй.

Свет деликатно гаснет.

Милый каприз
(2001 год)

Томский и Клавка.

Клавка: Здравствуй, Вова, Новый год. Что глазами хлопаешь? Подарок тебе от Снегурочки. Согласна на «вольвешник». Но это уж минимум миниморум, или, как ты выражаешься, крайняк.

Томский (*в сторону*): Хороша! Немного тоща, но сколько шарма! Сколько милой девичьей беззащитности!

Клавка: Что ты бормочешь? Нажрался? Один из горла весь огнетушитель выдул, кошон? (*Кивает на валяющуюся бутылку шампанского.*) Да еще разлил сколько. Вован, ау, проснись! Это я, Клава.

Томский (*в сторону*): Вобан? Я что, француз? Ну те-с, попробуем... (*Прижимает руку к груди.*) *Cheri, vous êtes ravissante.*

Клавка (*фыркает*): Тоже Ален Делон выискался. Нахватался по верхам, валенок раменский. Произношения никакого. На самом деле французское «R» нужно произносить вот

так: р-р-р-р! Как бы шарик в горле катаешь:
р-р-р-р-р-р-р!

Томский: Это слаще пения Сирены!

Клавка: Ментовской что ли? Ну у тебя комплименты.

Томский (*в сторону*): Говорит непонятно, но это пустяки. Эх, была не была! Гусары, сабли наголо! (*Подходит к Клавке, хочет поцеловать ей руку.*) Бывали ли вы в Отрадном, мадемуазель? Там отличное катание. Вы любите ездить верхом?

Клавка (*с достоинством, отнимая руку*): Я, Вовик, по-всякому люблю. Не бойся, не прогадаешь. Будет тебе и Отрадное, будет и катание — такое быстрое, какого ты со своими шалавами в жизни не видал. С сертификатом качества. Но сначала гони тачку.

Томский: Тачку? (*Показывает руками.*) Какая очаровательная прихоть! Вы, милая Клавдия э-э-э... виноват, запоматовал отчество...

Клавка: Прикалываешься? Ну-ну. Допустим, Владленовна. Дальше что?

Томский: Влад-ле-новна. Волшебное! Вы, милая Клавдия Влад-ле-новна, совсем как Наташа Ростова: принеси петуха! С удовольствием выполню ваш милый каприз! Куда прикажете гнать тачку? Где она?

Клавка (*смотрит на него с подозрением*): Где-где,

в автосалоне. Шутник, блин. Тарапунька и Штепсель.

Песня за дверью вдруг обрывается. Шум, грохот. Крики: «Стоять, блин!» «Козлы моченые!».

Голос Коляна (отчаянно): Вован, шухер! Пыпа наехал!

Дверь резко распахивается. Входит Пыпа — в длинном пальто, шляпе, с белым шарфом через плечо. За ним два телохранителя, которые встают по бокам двери.

Клавка: Ой! (Нырять за спину Томского.)

Свет гаснет.

**Маркетинговое исследование
(1901 год)**

Вован и Зизи лежат на полу. Вокруг разбросана одежда. Зизи положила голову на плечо Вовану, гладит его по груди. Граммофон играет «Не уходи, побудь со мною».

Вован пальцем подцепляет с пола фильдекосовый чулок с подвязкой, жалостливо качает головой.

Вован: Как бомжиха — в шарпетках на ленточке.
Чё тебе, Костыка на колготки не набашляет?

Зизи: Что?

Вован: У вас чё тут, колготок нет?

Она качает головой.

Вован: Ну а... Типа... Бубль-гам есть?

Зизи: Что, милый?

Вован: Ну бубль-гам, в любом селе есть. *(Жует, надувает щеки, шлепает губами.)* Чпок!

Зизи смеется.

Зизи: Мальчишка, совсем мальчишка! Но таким я тебя и полюбила! *(Хочет обнять Вована, но он резко садится.)*

Вован: Так, Вовчик, стоп. Колготок нет, бубль-гама нет. *(Оглядывается на валяющуюся одежду.)* Лифчиков тоже нет. Комбинашек нет. Ни хрена моржовича нет, полный голяк! Ё-моё! *(Ерошит себе волосы, хлопает себя по щекам.)*

Зизи: Что ты делаешь, Констан?

Вован: Молчок, Зинуля. Я провожу маркетинговое исследование.

Ползает на четвереньках, подбирая драгоценности. Зизи наблюдает с радостным изумлением.

Вован: Какие мазы! Какие мазы! Слушай, Зинк, а жбанка баночная у вас есть? Ну типа там, пиво-фанта-пепси? А факсы есть?

Зизи (*хихикает*): Пипифакс? Есть, в ватер-клозете.

Вован: Спокуха. Только спокуха. Блин, где взять бабок на раскрутку? Зинуль, ты про попа базарила. У него в натуре сбашлять можно? Скажи ему, Костик не крысятник, не соскочит.

Зизи: У папа? Сбашлять?

Вован: Ну, налом заправиться. Башлять, деньги, врубаешься?

Зизи: А-а, деньги. У папа сбашлять, конечно, можно. Если я скажу, что нужен начальный капитал — вложить в дело, он, конечно, даст. Только папа считает, что делать инвестиции в российскую промышленность неразумно. Папа предпочитает башлять на индустрию Северо-Американских штатов. Он говорит, в империи слишком неспокойно, того и жди революции.

Вован: Хрен им, а не революция. Тут такие халявы ломаются! Отстегну сколько надо этим, из КПРФ — они тоже не лохи, сговоримся. Не пузырься, Зинок. Держись за Костяна. С ним не пропадешь!

Зизи: С тобой я ничего не пузырюсь. Обожаю тебя безумно!

Хватает Вована за шею и валит на пол.

Свет гаснет.

Томский, Клавка, Пыпа и два телохранителя.

Пыпа: Борзеешь, Вован? Пыпу запомить хочешь? Пыпу еще никто не помоил, а кто пробовал — долго плакал.

Томский (неприятно): С кем имею честь?

Пыпа: Ах, ты по понтам? Зря, Вован. Твои пацаны у моих на мухе. Так что давай без гемороля.

Клавка (*выскальзывая из-за Томского*): Мальчи-ки, вы тут разбирайтесь, а я пойду, ладно?

Пыпа: Стой, где стоишь, лярва! И без базара — ноги выдерну.

Томский (*делает два шага вперед*): Никогда еще при мне так не оскорбляли даму! За такое платят кровью! Я пришлю к вам своих секундантов. Завтра же.

Отвешивает Пыпе две пощечины.

Пыпа (*пятится, держась за щеку*): Ты чё беспредельничаешь? Чё кошмаришь? Кровью, блин. Мочиллов завтра пришлю... Неадекватно себя ведешь, Вова.

Томский: Не нужно лишних слов. Будем стреляться или нет?

Пыпа: Из-за паршивой недвижки? Не психуй, Вован. Не первый год бортами тремся.

Томский: Как угодно. Но вам придется извиниться перед дамой.

Пыпа (*быстро, обращаясь к Клавке*): Не бери в падлу, цыпа. Пардон и всё такое.

Томский (*поворачивается спиной*): А теперь вон отсюда.

Пыпа поспешно ретируется, а за ним и телохранители.

Клавка: Круто, Вовик! Кул!

Томский немедленно подлетает к ней и начинает целовать руку, постепенно продвигаясь всё выше.

Клавка: Вон ты какой! А, пропадай всё пропадом. Была я дурой, так дурой и проживу. Зато с кайфом! Хрен с ним, с бартером. Вези, Вовчик, в твое Отрадное! А хочешь ко мне, на улицу Десятилетия Октября? Ближе ехать.

Томский (*мечтательно*): Десятилетие октября! Какое поэтичное, декадентское сочетание! Видно, октябрь был какой-нибудь особенно памятный?

Клавка (*ласково*): Эх ты, поселок городского типа. Чему тебя только в школе учили. Ничего, я сделаю из тебя человека. Будет тебе и «Декамерон», и «Пигмалион», в одном флаконе.

Треплет Томскому чуб, потом берет за руку и решительно ведет к выходу.

Свет гаснет. Занавес.

Конец первого действия

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

**Никакой туфты
(1901 год)**

Кабинет Томского, в который вернулась вся мебель. У стены три огромных щита, завешенных драпировками. Через открытую дверь

доносятся трели балалайки, лирически исполняющей что-нибудь из репертуара Газманова или группы «Любэ».

Входят Вован и Солодовников.

Солодовников: Почтеннейший Константин Львович, после ошеломляющего успеха ваших сушеных картофельных чистков я готов поверить во что угодно. Можете рассчитывать на неограниченный кредит.

Вован: «Чистков», блин! Чипсов! Тормозной ты какой-то, Веник.

Солодовников (сухо): Константин Львович, я, кажется, просил называть меня по имени-отчеству. Мне не по душе ваше гусарское амикошонство. Я вам не «Веник», а Вениамин Анатольевич.

Вован: Ладно те, Толянч. Не гноись. Ну, давай, показывай постеры.

Подходят к задрапированным щитам.

Солодовников: Вот-с, как вы распорядились. Рекламные панно для новых направлений нашей коммерции.

Сдергивает драпировку с первого постера. На нем изображены хлыщ в канотье и барышня в

шляпке с цветочками, любовно вззирающие на булку с колбасой. Кружок колбасы весь в черных точках. Внизу слоган: «НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВЫБИРАЕТ МАКЪ-КОЛБАСЕРЬ!»

Вован: А это чё за крапчик? Мыша что ли нагадила?

Солодовников: Это мак. Ведь он же МАК-колбасер.

Вован (вздыхает): Ты бы еще изюму в свою «собачью радость» насовал. Ладно, схавают. Народ у вас небалованный. Дальше гони.

Солодовников открывает второй щит. На нем изображен длинноволосый, бородатый мужичонка, восседающий на царском троне. На переднем плане — стеклянный цилиндр моментальной лотереи. Слоган: «ЧУДО-ЛОХМОТРОНЬ. ПОДХОДИМЬ И ВЫИГРЫВАЕМЬ!»

Солодовников (горделиво): Ну как?

Вован (чешет загривок): В принципе нормально. Хоть и по-наглому. Типа «кидаем одних колхозников». Может, лучше какого-нибудь городского фраера намалевать?

Солодовников: Уверяю вас, Константин Львович,

это именно то, что нужно. Рассудите сами. Сия картина говорит, что любой лохматый при помощи нашего чудо-аппарата может воссесть на трон удачи. Отсюда и название: ЛОХМО-ТРОН. Правда, были трудности с цензурой, которая усмотрела в этой аллегории неуважение к самодержавности, но барашек в бумажке поблеял и ничего-с, разрешилось.

Вован: С мусорами перетерли?

Солодовников: С околоточными? А как же-с. По двадцати пяти процентов с каждого лохмотрона. Всё цивилизовано.

Вован: Молоток, Толяныч. А тут чего? (*Показывает на третий щит.*)

Солодовников открывает третий щит. На нем танцующая восточная красавица в чадре, шальварах, с обнаженным животом. Слоган: «П I П Ъ — Ш О У. ВСЕГО ПЯТИ-АЛТЫННЫЙ! МЫ ПОКАЖЕМЪ ВАМЪ ВСЁ!»

Солодовников: Вот с Зюлейками, Константин Львович, вышла незадача.

Вован: Чё?

Солодовников: Почти полное фиаско.

Вован: Чё? Толяныч, ты можешь по-русски?

Солодовников (*трет висок, щелкает пальцами*):

Облом вышел с Зюлейками. Консистерия ни в какую. Срам, говорят, и неподобие. Две тысячи на храмы божьи пожертвовал — вот, разрешили пупки заголять, а дальше ни-ни.

Вован: Самодержавие, блин. Козлы застойные!

Слышь, Толяныч, вот ты бы отстегнул пять алтын, чтоб на бабий пупешник поглазеть?

Солодовников (*сглотнув*): О да!

Вован (*скептически*): Не. Народ в таких делах лабуды не прощает. Навешают нам с тобой по хавалу, однозначно. (*Вздыхает.*) Ладно, Веник, ты вали пока. Костян будет мозгами трясти.

Солодовников на цыпочках удаляется. Вован стоит перед постером в позе мыслителя.

Вован: Дешевые понты на хрен. (*Перечеркивает слово «всё», пишет «кое-што».*) Не, всё одно навалеют... О! Вот так! (*Исправляет «I» на «У».* Получается: **«П У П Ъ — Ш О У. ВСЕГО ПЯТИАЛТЫННЫЙ! МЫ ПОКАЖЕМЪ ВАМЪ КОЕ-ШТО!»**) И никакой туфты.

Свет гаснет.

**Всё пучком
(2001 год)**

Томский и Колян. Доносятся звуки увертюры к «Пер-Гюнту» или что-нибудь в этом роде. Обстановка та же, только офисная аппаратура расставлена по местам и вместо портрета Вована висит большая икона Спаса Нерукотворного. Томский не в красном блейзере, как Вован, а в строгой черной тройке консервативного вида, с галстуком-ленточкой и белой гвоздикой в петлице.

Колян: Владим Егорыч, значит так. С Хрюкой всё пучком...

Томский: Nicolas, я уже говорил вам: «Егорычами» зовут хамов, а мое имя — Владимир Георгиевич.

Колян: Сорри, Владимир Георгиевич. Трудно так, сразу. Ломает. Я когда пацанам, в смысле господам юнкерам, объяснил, что с Нового года у нас в «Конкретике» всё будет по понтам, они сначала ржали. Прикальывали друг друга, типа: «Лорнет вам в грызло, су-

дарь». А теперь ничего, в кайф пошло. Биксы, в смысле барышни, балдеют и бакланов, пардон, деловых партнеров, тоже пробирает. Легче отстегивать стали. Супер, шик!

Томский: Дело не в шике, Nicolas. Главное, чтобы человек имел понятие о чести и жил в соответствии с ним.

Колян: Само собой. Жить надо по понятиям, без них беспредел.

Томский: Простите, я вас перебил. Вы начали говорить о наших конкурентах. О господине Хрюке, если не ошибаюсь? Вы послали ему мой вызов?

Колян: На стрелку? Послал. Хрюка сразу в портки, экскюзе муа, в панталоны наложил. Проблем нет, отдает — и лотки, и палатки.

Томский: Очень любезно с его стороны.

Колян: Еще бы! После того, как вы на прошлой стрелке, пардон, на дуэли, Лехе Череповецкому во лбу пять дырок нарисовали...

Томский: Да, трефового туза. Заметьте, с двадцати пяти шагов и из незнакомого пистолета.

Колян: Ага. Засадили Череповецкому пять дуль в череповец. Умора! Юнкера в лежку лежали. Щас вообще с бизнесом хорошо пошло. Все перед «Конкретикой» прогинаются.

Томский (*поворачивается к иконе, истово крестится*): Не оставляет Господь. Эх, Nicolas, друг мой, нет пророка в своем отечестве. Как часто современники неспособны оценить талант. В девятнадцатом, то есть я хочу сказать, в двадцатом веке, с коммерцией у меня получалось гораздо хуже, но я всегда знал, что здесь (*показывает на лоб*) заложена огромная потенция. Всему свое время. Юнкера на молебне были?

Колян: Ну. Кто не ходит, я рыло чищу.

Томский: Если по-отечески, то можно. Вот еще что, топ аті, я просил распорядиться насчет ложи в опере на сегодняшний вечер для меня и Клавдии Владленовны. Что нынче дают?

Колян: Этого, блин, «Севильского цирюльника».

Томский: Вы уже были? Как вам постановка?

Колян: Да, зашли с господами юнкерами, посидели. Сначала вроде ничего, вот это: «Пора по бабам, пора по бабам».

Томский (*подхватывает дальше из увертюры*):
Наа-на-на, наа-на-на, наа-на-на, наа-на-на-на-на-на-на.

Поют хором дальше.

Колян: А потом чё-то не пошло. Есть пара-тройка хитов, остальное — фанера.

Томский: Да, мне из Россини тоже больше по вкусу «Вильгельм Телль».

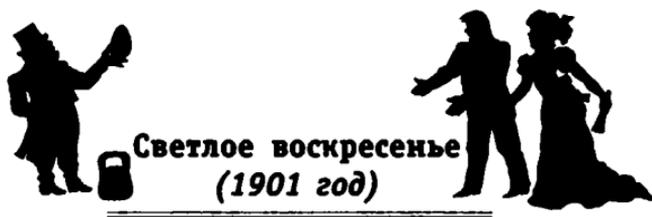
Колян: Какой базар.

Томский (*вздыхает*): Правильнее было бы сказать: «Я с вами совершенно согласен, Владимир Георгиевич» или: «Я придерживаюсь того же мнения».

Колян (*старательно*): Я, Вован Георгич, придерживаюсь чисто того же мнения.

Томский страдальчески хватается за виски.

Свет гаснет.

Та же комната с некоторыми изменениями. На письменном столе появился новый предмет: деревянный лакированный ящик, формой и размером похожий на компьютер. Посередине комнаты — пул с разноцветными шарами. Велотренажер, сделанный из старинного трипеда. Рядом — две чугунные

гири. В углу — пианола, выкрашенная в красный цвет и с надписью YAMAHA.

Томский, Солодовников и Зизи. У Томского исчезли усы и пробор — теперь у него прическа с чубом и подбритым затылком, как была у Вована. Одет он в красный сюртук с золотыми пуговицами и зеленую жилетку. Сияет толстая золотая цепь от карманных часов.

Доносится перезвон пасхальных колоколов. Все поочередно христосуются.

Солодовников: Костя, душа моя, ты мне стал просто как сын. Честно, без понтов. Вот подарочек тебе к Светлому Воскресенью. Заказал самому Фаберже. Ничего, с таких-то барышей не обеднею. Вот-с, из червонного золота.

Достает из коробки огромное золотое яйцо, раскрывает его. Механизм играет мелодию «Ты скажи, ты скажи, чё те надо, чё те надо».

Вован: Круто! Ну, Веник! Дай чмоку всажу.

Обнимает и целует Солодовникова.

Солодовников (*целуясь с Вованом*): Христос воскрес.

Вован: В натуре воскрес. Я те тоже сувенир припас.

Вот, цепура. (*Достает из кармана массивную золотую цепь с «гимнастом».*) Спецзаказ. Тут такую хрен достанешь. (*Надевает Солодовникову на шею.*) Чисто архимандрит.

Солодовников вынимает платок, растроганно утирает слезы.

Вован (*показывая на пианолу*): Зинок, ну-ка сбаци на синтезаторе «Пасхальную».

Зизи берет аккорд.

Вован (*густым голосом*): Блиннн, блиннн, блиннн...

Солодовников (*вставая рядом, подтягивает тенорком*): По-ол-блина, по-ол-блина...

Зизи (*тоненько, мелодично*): Четверть блина, четверть блина...

Солодовников: Хорошо у вас, истинная идиллия. Ну пойду, не стану вам мешать. Совет да любовь. Дай Бог сему очагу, как говорится, прухи и спокухи.

Вован: Ага, давай, Веник. Завтра насчет караоке-баров обкатаем. Ну, шарманочных по-вашему. Лады?

Солодовников: Лады. Ах, голубки...

Уходит.

Зизи (*наигрывает на пианоле и поет*): «Он уехал прочь на ночном дилижансе...»

Вован (*раздраженно*): На каком, блин, дилижансе? «На ночной электричке», сколько повторять!

Зизи: Электричка — это электрическая лампочка. Как на ней уедешь?

Вован (*вздыхая*): Все-таки ты у меня, Зинка, на мозги не хакамада.

Зизи: Не смей меня сравнивать со своими японскими кокотками! Опять был в «Приюте гейши», распутник?

Вован: Да я чисто покушать — сашимов там, суши.

Зизи: С чего? С ушей? Уж не лапши ли, которую ты мне вешаешь, отморозок? Ах, права татап: ты монстр, неблагодарный хам, беспредельщик! Ты зачем Николинку научил этой глупой игре в наперстки? Мальчик обыграл полгимназии, и теперь тебя вызывают к попечителю! C'est incroyable! Intolerable!

Вован (*тоскливо*): Ё-моё, понеслось мерде по трубам... Пропал выходной.

Стук в дверь.

Голос слуги: Константин Львович, к вам господин Буревестник.

Вован: Давай его сюда! Всё, Зинка, закончила базар. Дуй отсюда. У меня с крышей заморочки.

Зизи, сердито захлопнув крышку пианолы, идет к двери, сталкивается там с Буревестником (обшарпанным господином в темных очках, с бородкой клинышком), который и не думает пропустить даму вперед. Звучит «Аппассионата».

Зизи: Не дом, а хитровская ночлежка! (*Выходит.*)

Буревестник: Томский, революции нужно еще две тысячи. Архисрочно.

Вован: Не борзейте, братва. (*Подходит к столу, поворачивает компьютероподобный ящик, и становится видно, что вместо экрана в него вставлены счеты. Щелкает костяшками.*) На типографию штуку отстегнул? На общак? На пацанов, что в Бутырках припухают, башлял? Эту, как ее, блин, мавку, авансировал? Не по понятиям выходит!

Буревестник: Понятия — буржуазный пред-
рассудок. Вы хотите, чтоб поднялась
мускулистая рука миллионов рабочего
люда?

Вован мотаает головой.

Буревестник: Ну так вносите пожертвование на
партийную газету.

Вован: А нельзя оформить типа как договорчик
рекламы? Щас с налогом напряженка.

Буревестник: Безналом пускай у вас ревизионис-
ты берут. И не торгуйтесь, Томский, тут вам
не базар. Не то вычеркнем вас к чертовой
матери из списка представителей прогрес-
сивной буржуазии.

Вован (*быстро*): Какой базар? Базара нет. Когда
Костик на прессу жидился?

*Достает из ящика стола пачку кредиток, пе-
редает Буревестнику. Тот считает. Одну воз-
вращает назад.*

Буревестник: Замените «катеньку», склеенная.

*Вован меняет, кладя склеенную купюру на
стол. Буревестник прячет пачку за пазуху.
Потом цапает и склеенную.*

Буревестник (*жмет Вовану руку*): Спасибо. Вы настоящий товарищ. До скорого.

Выходит, подневая «Аппассионате». За ним закрывается дверь, музыка стихает.

Голос слуги: Константин Львович, барыня зовут. (*Доверительно.*) Очень гневны-с.

Вован (*нервно расхаживая по комнате*): На хрена мне всё это надо? Там мне башляли, а тут я башляю. Да еще эта.

Истеричный вопль Зизи: Констан! Ты заставляешь себя ждать!

Вован (*орет*): Щас! (*Тоже громко, но уже тише.*) Эй, мобилу сюда!

Входят двое слуг. Первый несет огромный телефонный аппарат, второй тянет шнур.

Вован (*покрутив рычажок*): Алё, цыпа, номер 34-25... Зеркальная мастерская? Это Томский... Ага, мое благородие. Я осколки посылал. Склеили?... Смотрите у меня, лепилы, чтоб тютька в тютьку было!.. (*Кладет трубку.*) Блин, это ж сколько еще до Нового года париться!

Свет гаснет.

**Главный вопрос бытия
(2001 год)**

Томский сидит за письменным столом и играет на компьютере — не видно, в какую именно игру, но это явно какая-то стрелялка: раздаются пальба, взрывы и прочее. Он отрастил усы, как в прежней жизни, разделил волосы на прямой пробор, смазал их бриллиантином.

Томский (*напевает*): «Ты скажи, ты скажи, чё те надо, чё те надо...» Merde! Проклятая, хамская песня! (*Дальше поет то же по-французски.*) «Dis-moi, dis-moi, qu'il te faut, qu'il te faut, et peut-etre je te donne c'que tu veux...» (*Громкий взрыв.*) Йес! Получил, мизерабль? Знай наших, козлиная! (*В ужасе хватается за голову.*) Что я говорю! Боже, что я говорю! (*Вскакивает, поворачивается к зеркалу.*) Констан, друг мой, ты превращаешься в хама! Нужно отвлечься...

Садится, берет пульт, включает телевизор. Экран залу не виден, доносится только звук.

Голос политика: ...Будем эту дилемму решать в практическом аспекте. По задумке администрации, последние подвижки в вопросе зачистки лиц кавказской национальности однозначно отображают тот негативно окрашенный факт, что наличие прецедентов вокруг так называемого инцидента...

Томский (*страдальчески*): О-о-о!

Переключает на другой канал.

Голос ведущего телешоу: Есть такая буква! Поаплодируем! Итак, автор поэмы «Светлана», великий русский поэт. Первая буква «Ж», окончание «вский». Наличествуют гипотезы?

Телеаудитория (*скандирует*): Слово! Слово! Слово!

Робкий голос играющего: Жириновский?

Томский вздрагивает, переключает кнопку.

Бодрый голос спортивного комментатора: ...Наши одиннадцать парней встали на пути «Реала» буквально двадцатью восемью панфиловцами, приняли на грудь таран испанской боевой колесницы и, перефразируя слова Кутузова, доказали: кто на нас с мячом пойдет, тот от мяча и погибнет.

Томский выключает телевизор и вздымает руки к Спасу.

Томский: Это невыносимо! (*Тычет в кнопку интеркома, слабым голосом.*) Шери, мне опять нехорошо. Скорей...

Голос Клавки: Иду-иду, Вовик. Щас!

Вбегают Клавка.

Клавка: Что, опять от родной речи ломает?

Томский (*истерично*): И ты, Брут?

Клавка (*раскрывает старый томик, листает*):
Щас, котик, потерпи. Ширнешься — полегчает. Вот: «Отбрось ночную тень, мой добрый Гамлет. Ты знаешь, всё живое умирает и переходит в вечность от земли».

Томский (*блаженно*): Хорошо...

Клавка: «В твоих очах душа сверкает дико; как спящий стан на звук тревоги бранной, встают власы на голове твоей!»

Томский: Хорошо...

Клавка: «Мутится разум, мысли цепенеют и как бы меркнет денное светило, не в силах...»

Томский (*вздрагивает*): «Как бы»?! «*Как бы меркнет?!*» Всё, довольно! Оставь меня!

Клавка (*захлопывает книгу*): Вовчик, ты меня достал своими заморочками! Я с ним, как

мать Тереза, нянькаюсь, а он выёживается:
Клавка сюда, Клавка туда! Тоже Фигару на-
шел! Если псих — лечиться надо!

Томский (*затыкает уши*): А-а-а-а!

Клавка в сердцах выбегает, хлопая дверью.

Томский (*бросается к Спасу, молитвенно воздевает руки*): Господи! Нет больше моих сил! Я думал — привыкну, но чем дальше, тем невыносимей! Защити, спаси, как уже спас однажды!

Голос Коляна из интеркома: Владим Георгич, Клавки на месте нету, дёрнула куда-то, а вас тут этот дожидается, из комиссии «Говорим чисто по-русски».

Томский (*бросается к столу, в интерком*): Не «Говорим чисто по-русски», а «Говорим по-русски чисто»! Просите! Немедленно!

Входит Птеродактор. Томский кидается ему навстречу.

Томский: О, как вы вовремя! Будто небо услышало мою молитву!

Птеродактор: Вот, Владимир Георгиевич, пришел поблагодарить за помощь в обустройстве. Тесновато, конечно, но, если б не

ваше великодушие, редакция вовсе осталась бы на улице.

Томский: Помилуйте, какие могут быть счеты между благородными людьми. Вы всегда желанный гость в этих стенах. Встречи с вами — единственная моя отрада. Душевно, душевно рад вас видеть.

Птеродактор: Ах, как чудесно вы говорите! Это просто музыка! Такого чистого, правильного русского языка теперь не услышишь. Вы оказываете нам поистине неоценимую помощь своими консультациями. Вот, опять накопились вопросы по «Новому глоссарию живого великорусского языка».

Томский: «Напились вопросы» — фи.

Птеродактор (*густо краснея*): Ах простите, Бога ради простите! Проклятый советский канцелярит! (*Пишет в блокноте.*) М-да. Так вот, как бы вы все-таки сказали: «твóрог» или «творóг»? Мнение редколлегии разделилось поровну.

Томский: Я, знаете ли, вообще не стал бы употреблять это слово. Оно обозначает плебейское кушанье, предназначенное для хамов. Моя жена... м-м-м... прежняя... когда была в положении и ей очень хотелось этого молочного продукта, называла его cottage cheese или farm pudding. По-русски лучше не скажешь.

Птеродактор (*записывает*): Очень, очень интересно. А на чьей вы стороне в дискуссии о легитимности выражения «извиняюсь»? Мне кажется, говорить «извиняюсь, я наступил вам на ногу» — чудовищный вульгаризм.

Томский: Напротив. Это весьма аристократическое выражение. Поэтому оно допустимо лишь при обращении к нижестоящему. «Извиняюсь, братец, я наступил тебе на ногу». С одной стороны, учтиво, с другой — дает понять, что вы в извинении хама не нуждаетесь, а извиняете себя за оплошность сами.

Птеродактор: Блестяще! (*Записывает.*) Скажите, Владимир Георгиевич, я все хочу вас спросить, да не решаюсь... После Нового года с вами произошла столь разительная перемена, настоящее волшебство.

Томский (*смущенно*): В самом деле?

Птеродактор: А может быть, и в самом деле не обошлось без волшебства? (*Показывает на зеркало.*) Уж не прислушались ли вы к моим словам о зеркале графа Сен-Жермена? (*Проницательно прищуривается.*) Скажем, на шестом ударе новогодних часов пожелали самоусовершенствоваться, повысить свой культурный уровень? Не нужно стесняться, это весьма похвальное намере...

Томский (*меняясь в лице и оглядываясь на зеркало*):

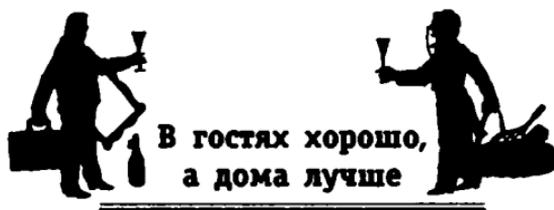
Что? Что-о?! Зеркало?!

Птеродактор (*пугается*): Простите, извините! Я, кажется, вас...

Томский (*страшным голосом*): Сен-Жермен? Шестой удар? Ах, вот оно что!

Птеродактор пьтится к двери и исчезает.

Томский (*глядя на Спаса*): Так Ты есть или Тебя нет?

Свет горит на всей сцене. Действие в обеих ее половинах происходит одновременно.

Комната слева:

Канун 1902 года. На часах без пяти двенадцать. Вован стоит перед зеркалом и заботливо дышит на него, протирает бархоточкой. На столе саквояж, бутылка шампанского и бокал. Вован открывает саквояж, проверяет, всё ли на месте. Достает оттуда несколь-

*ко золотых часов на цепочке, какую-то шка-
тулку, напоследок — золотое яйцо Фаберже.
Поднимает со стола некую картину — боль-
шую, в золотой раме, любовно рассматри-
вает. Картина повернута к залу задником.
Вован открывает бутылку, наливает вино в
бокал. Пытается пристроиться так, чтобы
держат в руках и бокал, и саквояж, и кар-
тину. Это нелегко.*

Когда часы начинают бить, Вован готов.

Комната справа:

*На электронных часах 23:55. Томский
присел на дорожку. У него тоже трофеи —
сумка «Adidas». Константин Львович дост-
ает оттуда плеер с наушниками, графи-
товую теннисную ракетку, кроссовки, блок
сигарет, блок жевательной резинки. Хва-
тает со стола шариковые ручки, бросает
туда же. Оглядывает комнату (она всё
такая же, только икона исчезла — вместо
нее новорусский портрет Сен-Жермена: в
парике и камзоле, только лицом смахива-
ет на Вована, с золотыми перстнями на
растопыренных пальцах). Томский задум-
чиво смотрит на телевизор — брат, не
брат. Брезгливо плюет. Наливает в бо-
кал шампанского.*

Когда часы начинают пищать, вешает на плечо сумку, подхватывает со стола монитор с клавиатурой. Ему тоже нелегко все это удерживать.

Перед шестым ударом оба, стоя друг напротив друга, хором кричат:

Вован: Хочу попасть на сто лет вперед, только вот с этим! *(Поднимает саквояж.)*

Томский: Хочу попасть на сто лет назад, только вот с этим! *(Поднимает монитор.)*

Чокаются бокалами, на шестом ударе.

Хрустальный звон. Свет гаснет. Почти сразу же вспыхивает мерцающее сияние и повторяется Театр Теней.

Вован и Томский лезут навстречу друг другу, толкаясь и пытаясь. Происходит заминка: материальные предметы (картина, монитор, сумки) будто рвутся из рук.

Вован: Куда? Не пушу! Легче, Костян, мишек порвешь!

Томский: Нет, ты мой! Сударь, вы зацепились за монитор!

Потом полная темнота. Звук тикающих часов.

Наконец свет зажигается в правой половине сцены, в левой же по-прежнему темно.

За время затемнения на стене вовановского кабинета появились большие плакаты: реклама «Новое поколение выбирает Пепси», реклама сигарет «Ночь твоя добавь огня», портрет президента Путина, афиша с Киркоровым.

Играет вкрадчивая китайская музыка. В окне вместо сталинского небоскреба — подсвеченная многоярусная пагода.

У двери в кресле сидит Хранитель Музея, но он неподвижен и внимания зала к себе не привлекает.

Вован (тот актер, который играл Вована первоначально) стоит спиной к зеркалу. У него под мышкой монитор с клавиатурой, через плечо сумка «Аدیدас».

Вован: Полный облом! Ни шиша хреновича не надыбал. Эх, картину жальчей всего! Полста имперялов отвалил! Думал, на даче повешу. *(Замечает Хранителя Музея. Тот в черной шапочке и черном же шелковом халате до пола, с длинной и узкой седой бородой.)* Дед, ты чё здесь? Ночным сторожем, что ли? А пацаны где? Я — Вован. Слышал про такого?

Хранитель встает и молча кланяется. Когда он говорит, то рта не раскрывает, лишь слегка кивает головой. Голос — мягкий, неспешный — доносится сверху, из динамика.

Хранитель: Здравствуй, почтенный старец Вовань. Я ждал тебя.

Вован: За «старца» ответишь. Мочалку оторву! Мне токо-токо тридцатник стукнул!

Хранитель: Тебе не тридцать лет, а сто тридцать, ведь если считать по старому, западному летоисчислению, ты попал в 2102 год.

Вован: Ё-моё! Я чё, на сто лет дальше просвистел?

Хранитель: Да, ты попал на один век вперед — как и просил. Ты пожелал перенести в будущее материальные предметы *(показывает на монитор)*. Но они тяжелее души и утянули тебя за собой, на сто лет вперед.

Беда людей западного мира в том и заключалась, что они слишком крепко держались за материальное.

Вован: Ну я козел! Надо было сказать: «Хочу попасть в своё время!» Теперь мотай тут у вас двенадцать месяцев до Нового года! (*Оглядывается по сторонам.*) Слышь, дед, а чё тут у вас? Какая власть-то? Ты воще кто, китаец?

Хранитель: На Земле теперь живут сплошь одни китайцы, подданные великой державы СПП.

Вован: Эспепе?

Хранитель: Да, Соединенные Провинции Поднебесной. Повсюду мир и покой. Никто не воует. Нет голодных и нет сытых. Нет оборванных и нет нарядных. Все трудятся в поте лица, сочиняют стихи в честь времен года и почитают стариков. Будут почитать и тебя, старец Во-Вань.

Вован: Но я же, блин, не китаец!

Хранитель: Теперь все люди — китайцы, каков бы ни был их цвет кожи и разрез глаз. Поверь мне, почтенный Во-Вань, когда пройдет год, ты не захочешь возвращаться в свое нецивилизованное время. Что ты принес мне? Окуляр от старинного компьютера? Превосходно! А что в суме?

Вован: Хрен его знает, не я укладывал. (*Достает*

бижутерию, плеер и прочее.) Ну Костька, дурила позорный, нарыл цацек!

Хранитель: Спасибо тебе, почтенный Во-Вань! Твое имя будет высечено на нефритовой табличке! Ты принес столько бесценных экспонатов для этого зала!

Вован: Какого, блин, зала?

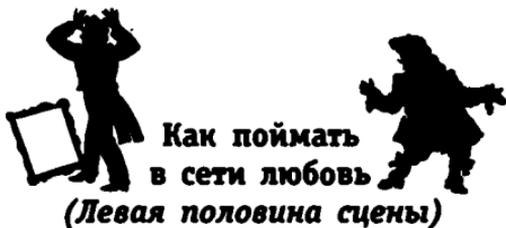
Хранитель: Прости и не сердись. Я не успел тебе представиться. Меня зовут старец Те Гуанцзы, я Хранитель Музея Древностей. В этом зале собраны артефакты столетней давности из страны Эр-Фэ. Я прочел в волшебной книге, написанной триста лет назад моим мудрым собратом Сэн-Жэнем, что сегодня, в первый день нового года, сюда прибудешь ты, почтенный старец Во-Вань, гость из прошлого.

Вован: Да откуда ему было знать, твоему братану, чё будет через триста лет?

Хранитель: Он мудр, а мудрым известно не только прошлое, но и будущее. Ты устал после долгой дороги, тебе нужно поспать. А утром я научу тебя говорить по-китайски, это очень просто.

Делает рукой волнообразные пассы. Вован покачивается в такт этим движениям. Свет медленно гаснет. Занавес столь же медленно

задвигается справа до середины сцены. Снова звучит китайская музыка. В нее начинает вплетаться клавесин — сначала незаметно, потом заглушая, и, наконец, звучит уже только он один.

За время затемнения интерьер комнаты изменился, остались только портрет на стене, зеркало и напольные часы. Вместо стола XIX века — стол рококо на золоченых ножках. Соответственно изменились и кресла. В одном из них, точь-в-точь в такой же позе, как ранее Те Гуанцзы, сидит человек в парике — вылитый Неизвестный с портрета. Но в то же время это всё тот же старец Те Гуанцзы — зритель должен это сразу понять (м.б., несмотря на камзол и букли, останется китайская борода). Однако за время, пока задвигалась правая половина занавеса, актер должен успеть сбросить китайский халат, снять шапочку, надеть парик и переместиться на левую половину.

Томский (он держит в руках холст, по-прежнему повернутый к залу задником, и саквояж Вована): Слава Богу! (Оглядывается по сторонам.) Зизи сменила убранство? Мило! Я всегда любил мебель «Луи-Сез». (Замечает сидящего.) Сударь? Кто вы и почему так странно одеты? (Смотрит на «Портрет неизвестного», снова на человека в парике.) Не может быть! Вы — граф Сен-Жермен?! Monsieur le Comte!

Человек в парике: Говорите по-русски, Константин Львович. Я предпочитаю изъясняться на языке той страны, в которой нахожусь в данное время.

Томский: Но... как вы очутились здесь, у меня? О, какая честь принимать такого гостя!

Человек в парике: Я гощу вовсе не у вас, а у вашей прапрабабки графини Анны Федотовны, моей давней приятельницы.

Томский: Вы шутите. Анна Федотовна скончалась в 1833 году!

Человек в парике: А сейчас первое января 1802 года. Вы высказали пожелание попасть на сто лет назад — и попали. Ровно на сто лет раньше вашего истинного времени. Маленькая оплошность, едва заметная в масштабах вечности. Но, с другой стороны, ежели бы не она, я не имел бы удоволь-

ствия с вами встретиться. (*Учтиво кланяется.*)

Томский (*растерянно*): Простите, граф, что говорю о неприятном, но, даже если сейчас и в самом деле 1802 год, ваше присутствие здесь невозможно. Если мне не изменяет память, вы умерли в 1784 году, то есть тому восемнадцать лет.

Человек в парике (*доставая из кармана табакерку и нюхая табак*): Что значит «умер»? Просто устал от жадного внимания толпы. Теперь путешествую инкогнито, приватным образом. Навещаю старых друзей. Вот к Анне Федотовне заглянул — поболтать о версальских временах. И заодно уж посмотреть на вас, человека из будущего. Про ваш сегодняшний визит я прочитал в старинном китайском трактате, автор которого — мудрейший Те Гуанцзы, тот самый, что открыл тайну бессмертия. Ап-чхи!

Томский (*растерянно*): Доброго здоровья. Но... но что же мне теперь делать? Моему дедушке, генералу от инфантерии Павлу Аполлоновичу, всего три года! Как мне с ним держаться? Нам обоим будет неловко.

Человек в парике (*встает, подходит к Томскому*): Не позволите ли взглянуть на ваш багаж? Это предметы из будущего?

Томский (*озадаченно*): Понятия не имею. Вероятно.

(Ставит картину к стене, достает из саквояжа предметы и передает их Сен-Жермену.)

Человек в парике *(раскрывает яйцо, слушает музыку):* Кажется, это из Глюка? Прелестная безделушка. *(Кладет яйцо на стол. Мельком заглядывает в шкатулку.)* Бриллианты? Ну, это неинтересно.

Томский: Драгоценности Зизи! Проходимец! *(Оглядывается на зеркало и грозит кулаком невидимому Вовану.)*

Человек в парике *(вынимая часы на цепочке):* Какая безвкусица. *(Откладывает.)* Вы позволите? *(Берет картину, рассматривает ее, держа задником к залу.)* О, боги Шумера! Какие смелые мазки! Сколько мощи! Какой необычный сюжет! А этот магический свет! Если б показать сей шедевр нынешним живописцам, в искусстве свершился бы настоящий переворот! Но нет, мы никому не покажем эту жемчужину! Она должна украсить мою коллекцию! Продайте мне ее, любезный Константин Львович! Я дам любую цену! Кто этот гений? Как его имя?

Томский берет картину, поворачивает ее к зрителю. Это «Утро в сосновом лесу» Шишкина (разумеется, в уменьшенном виде).

Томский (*равнодушно*): Этот, как его, из передвижников. Запомню. Они нынче не в моде.

Но продать, увы, не могу. Картина не моя.

Человек в парике (*берет его под руку, вкрадчиво*):

Ну так обменяйте на что-нибудь! Хотите...

Хотите, открою вам рецепт Философского

Камня? Вы сможете сами добывать Магистер

териум, превращая свинец в чистейшее зо

лото!

Томский: Граф, человек чести не может отдавать

то, что ему не принадлежит — даже за всё

золото мира.

Человек в парике (*он всё не может налюбоваться*

картиной): Ну хорошо. Так и быть! Хотите,

я поделюсь с вами тайной вечной жизни,

драгоценным наследием великого Те Гуан

цзы? Вы спокойно доживете до вашего 1902

года, а потом до 2002-го, до 2102-го, хоть

до 3002-го! Вы станете бессмертны!

Томский: Бр-р-р! Я не хочу превращаться в вы

сохшего, беззубого Мафусаила. Разве это

жизнь!

Человек в парике: Ну так хотите, я подарю вам

эликсир вечной молодости? Взгляните на

меня. Мне три тысячи семьсот сорок два

года. Разве я плохо выгляжу?

Томский (*вздыхает*): Соблазнительно. Весьма. Но

что мне за прок от вечной молодости, если

я не смогу чувствовать себя порядочным человеком.

Человек в парике (*язвительно*): А растратить деньги из кассы «Доброго самарянина» — это как, порядочно?

Томский: Так то из-за роковой страсти! Во имя любви! Это совсем другое дело!

Человек в парике: А если я открою вам секрет любовного успеха? Научу вас, как ловить в сети самое любовь? Ни одна женщина не сможет вам сказать «нет»!

Томский: Ни одна? В самом деле? Даже Элеонора Дузе? Даже Матильда Кшесинская? Даже божественная Лопаткина?

Человек в парике: Ни одна. Клянусь Изидой. Вам будет достаточно произнести магическую формулу, и любовь забьется в ваших силках пойманной пташкой.

Томский: Искуситель! Что ж, забирайте этот медвежатник! (*Отдает картину.*) Говорите ваше заклинание!

Человек в парике (*жадно глядя раму*): Моя, моя! Слушайте же. Если вы хотите, чтобы вас безумно, до самозабвения полюбила женщина... Впрочем, то же относится и к мужчинам — в женских устах формула имеет точно такую же силу.. Так вот, если вы хотите вызвать в ком-то страстную любовь,

достаточно произнести следующие слова.
(Он оглядывается на зал.) Вы уверены, что нас никто не подслушает? У вашей прапрабабки столько дворни.

Томский: Да, у нее было пять тысяч душ крепостных. Но мы здесь совершенно одни. Говорите же скорей!

Человек в парике (*быстро подбегает к двери, распахивает ее*): Никого. Ну хорошо. Слушайте и запоминайте слово в слово, повторять я не стану. (*Снова оглядывается на зал.*) Нет, знаете, так мне все-таки будет спокойнее. Минуту.

*Берет за край занавеса и закрывает его.
Звучит глубокий, оперный голос, который без музыкального вступления поет — сначала тихо, потом громче:*

У любви, как у пташки крылья,
Ее нельзя никак поймать...

— *И т.д. до тех пор, пока зрители не сообразят, что спектакль окончен.*

Б о р и с А к у н и н

Б о р и с А к у н и н

ISBN 9 224 03870 7

9 785224 038701 >

Борис Акунин
КОМЕДИЯ

